

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://krylov1.ru/> Приятного чтения!

Сказки русских писателей. Иван Андреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Сергеевич Пушкин

Александр Пушкин
Сказка о попе и о работнике его Балде

Жил-был поп,

Толоконный лоб.

Пошёл поп по базару

Посмотреть кой-какого товару.

Навстречу ему Балда

Идёт, сам не зная куда.

«Что, батька, так рано поднялся?

Чего ты взыскался?»

Поп ему в ответ: «Нужен мне работник:

Повар, конюх и плотник.

А где найти мне такого

Служителя не слишком дорогого?»

Балда говорит: «Буду служить тебе славно,

Усердно и очень исправно,

В год за три щелка тебе по лбу,

Есть же мне давай вареную полбу».

Призадумался поп,

Стал себе почёсывать лоб.

Щёлк щелку ведь розь.

Да понадеялся он на русский авось.

Поп говорит Балде: «Ладно.

Не будет нам обоим накладно.

Поживи-ка на моём подворье,

Окажи своё усердие и проворье».

Живёт Балда в поповом доме,

Спит себе на соломе,

Ест за четверых,

Работает за семерых;

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
Дó светла всё у него пляшет.

Лошадь запряжёт, полосу вспашет,

Печь затопит, всё заготовит, закупит,

яичко испечёт да сам и облупит.

Попадья Балдой не нахвалится,

Поповна о Балде лишь и печалится,

Попёнок зовёт его тятей:

Кашу заварит, нянчится с дитятей.

Только поп один Балду не любит,

Никогда его не приголубит.

О расплате думает частенько:

Время идёт, и срок уж близенько.

Поп ни ест, ни пьёт, ночи не спит:

лоб у него заране трещит.

Вот он попадьё признаётся:

«Так и так: что делать остаётся?»

Ум у бабы догадлив,

На всякие хитрости повадлив.

Попадья говорит: «Знаю средство,

Как удалить от нас такое бедство:

Закажи Балде службу, чтоб стало ему невмочь;

А требуй, чтоб он её исполнил точь-в-точь.

Тем ты и лоб от расправы избавишь.

И Балду-то без расплаты отправишь».

Стало на сердце попа веселее,

Начал он глядеть на Балду посмелее.

Вот он кричит: «Поди-ка сюда,

Верный мой работник Балда.

Слушай: платить обязались черти

Мне оброк по самой моей смерти;

Лучшего б не надобно дохода,

Да есть на них недоимки за три года.

Как наешься ты своей полбы,

Собери-ка с чертей оброк мне полный».

Балда, с попом понапрасну не споря,
Пошёл, сел у берега моря;
Там он стал верёвку крутить
Да конец её в море мочить.
Вот из моря вылез старый Бес:
«Зачем ты, Балда, к нам залез?» –
«Да вот верёвкой хочу море морщить
Да вас, проклятое племя, корчить».
Беса старого взяла тут унылость.
«Скажи, за что такая немилость?» –
«Как за что? Вы не платите оброка,
Не помните положенного срока;
Вот уже будет нам потеха,
Вам, собакам, великая помеха». –
«Балдушка, погоди ты морщить море.
Оброк сполна ты получишь вскоре.
Погоди, вышлю к тебе внука».
Балда мыслит: «Этого провести не штука!»
Вынырнул подосланный бесёнок,
Замяукал он, как голодный котёнок:
«Здравствуй, Балда-мужичок;
Какой тебе надобен оброк?
Об оброке век мы не слышали,
Не было чертям такой печали.
Ну, так и быть – возьми, да с уговору,
С общего нашего приговору –
Чтобы впредь не было никому горя:
Кто скорее из нас обежит около моря,
Тот и бери себе полный оброк,
Между тем там приготовят мешок».
Засмеялся Балда лукаво:
«Что ты это выдумал, право?
Где тебе тягаться со мною,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

Со мною, с самим Балдою?
Экого послали супостата!
Подожди-ка моего меньшего брата».

Пошёл Балда в ближний лесок,
Поймал двух зайков, да в мешок.
К морю опять он приходит,
У моря бесёнка находит.
Держит Балда за уши одного зайку:
«Попляши-тка ты под нашу балалайку;
Ты, бесёнок, еще молоденок,
Со мною тягаться слабенок;
Это было б лишь времени трата.
Обгони-ка сперва моего брата.
Раз, два, три! Догоняй-ка».
Пустились бесёнок и заяка:
Бесёнок по берегу морскому,
А заяка в лесок до дому.
Вот, море кругом обежавши,
Высунув язык, мордку поднявши,
Прибежал бесёнок задыхаясь,
Весь мокрёшенек, лапкой утираясь,
Мысля: дело с Балдою сладит.
Глядь – а Балда братца гладит,
Приговаривая: «Братец мой любимый,
Устал, бедняжка! отдохни, родимый».
Бесёнок оторопел,
Хвостик поджал, совсем присмирел,
На братца поглядывает боком.
«Погоди, – говорит, – схожу за obroком».
Пошёл к деду, говорит: «Беда!
Обогнал меня меньшей Балда!»
Старый Бес стал тут думать думу.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Блок
А Балда наделал такого шума,

Что всё море смутилось
И волнами так и расходилось.

Вылез бесёнок: «Полно, мужичок,
Вышлем тебе весь оброк –
Только слушай. Видишь ты палку эту?
Выбери себе любимую мету.
Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж? боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждёшь?» – «Да жду вон этой тучки:
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну с вами, чертями, свалку».

Испугался бесёнок да к деду,
Рассказывать про Балдову победу,
А Балда над морем опять шумит
Да чертям верёвкой грозит.
Вылез опять бесёнок: «Что ты хлопчешь?
Будет тебе оброк, коли захочешь...» –
«Нет, – говорит Балда, –
Теперь моя чередка,
Условия сам назначу,
Задам тебе, вражёнку, задачу.
Посмотрим, какова у тебе сила.
Видишь, там сивая кобыла?
Кобылу подыми-тка ты,
Да неси её полверсты;
Снесёшь кобылу, оброк уж твой;
Не снесёшь кобылы, ан будет он мой».
Бедненький бес
Под кобылу подлез,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Понатужился,

Понапружился,

Приподнял кобылу, два шага шагнул.

На третьем упал, ножки протянул.

А Балда ему: «Глупый ты бес,

Куда ж ты за нами полез?

И руками-то снести не смог,

А я, смотри, снесу промеж ног».

Сел Балда на кобылку верхом

да версту проскакал, так что пыль столбом.

Испугался бесёнок и к деду

Пошёл рассказывать про такую победу.

Черти стали в кружок,

Делать нечего – собрали полный оброк

Да на Балду взвалили мешок.

Идёт Балда, побрякивает,

А поп, завидя Балду, вскакивает,

За попадью прячется,

Со страху корячится.

Балда его тут отыскал,

Отдал оброк, платы требовать стал.

Бедный поп

Подставил лоб:

С первого щелка́

Прыгнул поп до потолка;

Со второго щелка́

Лишился поп языка,

А с третьего щелка

Вышибло ум у старика.

А Балда приговаривал с укоризной:

«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной».

Сказка о золотом петушке

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
С молодю был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить.
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга, – глядь –
Ан с востока лезет рать.
Справят здесь – лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.

Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу,
Звездочёту и скопцу.
Шлёт за ним гонца с поклоном.
Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
«Посади ты эту птицу, –

Молвил он царю, – на спицу;

Петушок мой золотой

Будет верный сторож твой:

Коль кругом всё будет мирно,

Так сидеть он будет смирно;

Но лишь чуть со стороны

Ожидать тебе войны,

Иль набега силы бранной,

Иль другой беды незваной,

Вмиг тогда мой петушок

Приподымет гребешок,

Закричит и вострепнётся

И в то место обернётся».

Царь скопца благодарит,

Горы золота сулит.

«За такое одолженье, –

Говорит он в восхищеньи, –

Волю первую твою

Я исполню, как мою».

Петушок с высокой спицы

Стал стеречь его границы.

Чуть опасность где видна,

Верный сторож как со сна

Шевельнётся, вострепнётся,

К той сторонке обернётся

И кричит: «Кири-ку-ку.

Царствуй, лёжа на боку!»

И соседи присмирели,

Воевать уже не смели:

Таковóй им царь Дадон

Дал отпор со всех сторон!

Год, другой проходит мирно;

Петушок сидит всё смирно.

Вот однажды царь Дадон

Страшным шумом пробуждён:

«Царь ты наш! отец народа! –

Возглашает воевода, –

Государь! проснись! беда!» –

«Что такое, господа? –

Говорит Дадон, зевая. –

А?.. Кто там?.. беда какая?»

Воевода говорит:

«Петушок опять кричит;

Страх и шум во всей столице».

Царь к окошку – ан на спице,

Видит, бьётся петушок,

Обратившись на восток.

Медлить нечего: «Скорее!

Люди, на конь! Эй, живее!»

Царь к востоку войско шлёт,

Старший сын его ведёт.

Петушок угомонился,

Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,

А от войска нет вестей;

Было ль, не было ль сраженья, –

Нет Дадону донесенья.

Петушок кричит опять.

Кличет царь другую рать;

Сына он теперь меньшого

Шлёт на выручку большого;

Петушок опять утих.

Снова вести нет от них!

Снова восемь дней проходят;

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
Люди в страхе дни проводят;

Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И ведёт её к востоку, –
Сам не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится невмочь.

Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.

«Что за чудо?» – мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шёлковый шатёр.

Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.

Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!

Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мёртвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.

Бродят кони их среди луга,
По притоптанной траве,
По кровавой мураве...

Царь завыл: «Ох дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши соколá!
Горе! смерть моя пришла».

Все завыли за Дадоном,
Застонала тяжким стоном

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

Глубь долин, и сердце гор
Потряслось. Вдруг шатёр
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадоном
Улыбнулась – и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатёр свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала;
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищён,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот,
С шумом встретил их народ, –
Все бегут за колесницей,
За Дадоном и царицей;

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алекс
Всех приветствует Дадон...

Вдруг в толпе увидел он,
в сарачинской шапке белой,
весь, как лебедь, поседелый,
Старый друг его, скопец.
«А, здорово, мой отец, –
Молвил царь ему, – что скажешь?
Подь поближе! Что прикажешь?» –
«Царь! – отвечает мудрец, –
Разочтёмся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу».
Крайне царь был изумлён.
«Что ты? – старцу молвил он, –
или бес в тебя ввернулся?
Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?
я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница!
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего».
«Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу», –
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
Ничего ты не получишь.

Сам себя ты, грешник, мучишь;

Убирайся, цел пока!

Оттащите старика!»

Старичок хотел заспорить,

Но с иным накладно вздорить;

Царь хватил его жезлом

По лбу; тот упал ничком,

Да и дух вон. Вся столица

Содрогнулась, а девица –

Хи-хи-хи! да ха-ха-ха!

Не боится, зная, греха.

Царь, хоть был встревожен сильно,

Усмехнулся ей умильно.

Вот въезжает в город он...

Вдруг раздался лёгкий звон,

И в глазах у всей столицы

Петушок спорхнул со спицы,

К колеснице подлетел

И царю на темя сел,

Встрепенулся, клюнул в темя

И взвился... и в то же время

С колесницы пал Дадон!

Охнул раз, – и умер он.

А царица вдруг пропала,

Будто вовсе не бывало.

Сказка ложь, да в ней намёк!

Добрым молодцам урок.

Песнь о вещем Олеге

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
Как ныне сбирается вещий Олег

Отмстить неразумным хазарам;
Их сёла и нивы за буйный набег
Обрѣк он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.
Из тёмного леса навстречу ему,
Идёт вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмёшь ты коня».
«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово моё:
Воителю слава – отрада;
Победой прославлено имя твоё;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.
И синего моря обманчивый вал

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы..
Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.
Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего..
Но примешь ты смерть от коня своего».
Олег усмехнулся – однако чело
И взор омрачились думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.
«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.
Прощай, утешайся – да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном,
Водой ключевую поите».
И отроки тотчас с конём отошли,
А князю другого коня подвели.
Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне весёлом стакана,
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...

Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? – промолвил Олег. –
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? Всё так же ль лёгок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.
Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят – на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моят дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.
Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалёкой,
Не ты под секирой ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прах напоишь!
Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как чёрная лента, вокруг ног обвилась,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

и вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят

На тризне плачевной Олега:

Князь Игорь и Ольга на хóлме сидят;

Дружина пирует у берега;

Бойцы поминают минувшие дни

и битвы, где вместе рубились они.

Иван Крылов

Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,

что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,

и в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;

На ель Ворона взгромоздясь,

Позавтракать было совсем уж собралась,

да позадумалась, а сыр во рту держала.

На ту беду лиса близёхонько бежала;

Вдруг сырный дух Лису остановил:

Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.

Плутовка к дереву на цыпочках подходит;

Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит

и говорит так сладко, чуть дыша:

«Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!

Какие пёрышки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,

при красоте такой и петь ты мастерица, –

ведь ты б у нас была царь-птица!»

Вещунына с похвал вскружилась голова,

от радости в зобу дыханье спёрло, –

и на приветливы Лисицыны слова

Ворона каркнула во всё воронье горло:

Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Слон и Моська

По улицам Слона водили,

Как видно, напоказ –

Известно, что слоны в диковинку у нас, –

Так за Слоном толпы зевак ходили.

Отколе ни возьмись навстречу Моська им.

Увидевши Слона, ну на него метаться,

И лаять, и визжать, и рваться –

Ну так и лезет в драку с ним.

«Соседка, перестань срамиться, –

Ей шавка говорит, – тебе ль с Слоном возиться?

Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идёт

Вперёд

И лаю твоего совсем не примечает». –

«Эх, эх! – ей Моська отвечает. –

Вот то-то мне и духу придаёт,

что я, совсем без драки,

Могу попасть в большие забияки.

Пускай же говорят собаки:

“Ай, Моська! Знать, она сильна,

что лает на Слона!”»

Мартышка и Очки

Мартышка к старости слаба глазами стала;

А у людей она слыхала,

что это зло ещё не так большой руки:

Лишь стоит завести Очки.

Очков с полдюжины себе она достала;

Вертит Очками так и сяк:

То к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет,

То их понюхает, то их полижет;

Очки не действуют никак.

«Тьфу, пропасть! – говорит она. – И тот дурак,

Кто слушает людских всех врак:

Всё про Очки лишь мне нагали;

А проку на волос нет в них».

Мартышка тут с досады и печали

О камень такхватила их,

Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:

Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,

Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;

А ежели невежда познатней,

Так он её ещё и гонит.

Кукушка и Петух

«Как, милый Петушок, поёшь ты громко, важно!» –

«А ты, Кукушечка, мой свет,

Как тянешь плавно и протяжно:

Во всём лесу у нас такой певицы нет!» –

«Тебя, мой куманёк, век слушать я готова». –

«А ты, красавица, боюсь,

Лишь только замолчишь, то жду я не дождусь,

Чтоб начала ты снова...

Отколь такой берётся голосок?

И чист, и нежен, и высок!..

Да вы уж родом так: собою невелички,

А песни, что твой соловей!» –

«Спасибо, кум; зато, по совести моей,

Поёшь ты лучше райской птички, –

На всех ссылаюсь в этом я».

Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!

Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, –

Всё ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь греха,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
Кукушка хвалит Петуха?

За то, что хвалит он Кукушку.

Ларчик

Случается нередко нам
И труд, и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдаётся:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвётся.
Потел, потел; но, наконец, устал –
От Ларчика отстал.
И, как открыть его, никак не догадался –
А Ларчик просто открывался.

Мышь и Крыса

«Соседка, слышала ль ты добрую молву? –

Вбежавши, Крысе Мышь сказала, –

Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?

Вот отдохнуть и нам пора настала!» –

«Не радуйся, мой свет, –
Ей Крыса говорит в ответ, –
И не надейся по-пустому!
Коль до когтей у них дойдет,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:

Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

Волк и Ягнёнок
У сильного всегда бессильный виноват;
Тому в истории мы тьму примеров слышим.

Но мы Истории не пишем;

А вот о том как в Баснях говорят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом

Здесь чистое мутить питьё

Моё

С песком и с илом?

За дерзость такову

Я голову с тебя сорву». –

«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью,

И гневаться напрасно он изволит:

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин. Питья мутить ему никак я не могу». –

«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!

Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил;

я этого, приятель, не забыл!» –

«Помилуй, мне ещё и отроду нет году», –

Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат». –

«Нет братьев у меня». – «Так это кум иль сват,

и, словом, кто-нибудь из вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите,

и если можете, то всем вредите;

Но я с тобой за их разведаюсь грехи». –

«Ах, я чем виноват?» – «Молчи! Устал я слушать.

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». –

Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

Владимир Даль
Ворона

Жила-была ворона, и жила она не одна, а с няньками, мамками, с малыыми детками, с ближними и дальними соседками. Прилетели птицы из заморья, большие и малые, гуси и лебеди, пташки и пичужки, свили гнёзда в горах, в долах, в лесах, в лугах и нанесли яичек.

Подметила это ворона и ну перелётных птиц обижать, у них яички таскать!

Летел сын и увидал, что ворона больших и малых птиц обижает, яички таскает.

– Постой, – говорит он, – негодная ворона, найдём на тебя суд и расправу!

И полетел он далеко, в каменные горы, к сизому орлу. Прилетел и просит:

– Батюшка, сизой орёл, дай нам свой праведный суд на обидчицу-ворону! От неё житья нет ни малым, ни большим птицам: наши гнёзда разоряет, детёнышей крадёт, яйца таскает да ими своих воронят питает!

Покачал сизой орёл головой и послал за вороною лёгкого, меньшого своего посла – воробья. Воробей вспорхнул и полетел за вороной.

Она было ну отговариваться, а на неё поднялась вся птичья сила, все пичуги. И ну щипать, клевать, к орлу на суд гнать. Нечего делать – каркнула и полетела, а все птицы взвились и следом за ней понеслись.

Вот и прилетели они к Орлову жилью и обсели его, а ворона стоит посередине да обдёргивается перед орлом, охорашивается.

И стал орёл ворону допрашивать:

– Про тебя, ворона, рассказывают, что ты на чужое добро рот разеваешь, у больших и малых птиц детёнышей да яйца таскаешь!

– Напраслина, батюшка сизой орёл, напраслина, я только одни скорлупки подбираю!

– Ещё про тебя жалоба до меня доходит, что как выйдет мужичок пашню засеять, так ты подымаешься со всем своим вороньём и ну семена клевать!

– Напраслина, батюшка сизой орёл, напраслина! Я с подружками, с малыши детками, с чадами, домочадцами только червячков из свежей пашни таскаю!

– А ещё на тебя всюду народ плачется, что как хлеб сожнут да снопы в копны сложат, то ты налетишь со всем своим вороньём и давай озорничать, снопы ворошить да копны разбивать!

– Напраслина, батюшка сизой орёл, напраслина! Мы это ради доброго дела помогаем – копны разбираем, солнышку да ветру доступ даём, чтобы хлебушко не пророс да зерно просохло!

Рассердился орёл на старую вруню-ворону, велел её засадить в острог, в решётчатый теремок, за железные засовы, за булатные замки. Там она сидит и по сей день.

Петр Ершов
Конёк-горбунок

Часть первая
Начинает сказка сказываться

За горами, за лесами,

За широкими морями,

Не на небе – на земле

Жил старик в одном селе.

У старинушки три сына:

Старший умный был детина,

Средний сын и так и сяк,

Младший вовсе был дурак.

Братья сеяли пшеницу

Да возили в град-столицу:

Знать, столица та была

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

Недалече от села.

Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.

В долгом времени аль вскоре
Приключилося им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродяся не видали;
Стали думать да гадать –
Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат собираться:
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала,
На него боязнь напала;
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник.
Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождём я весь промок

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
С головы до самых ног».

Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;
На моё ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, всё благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всем,
Не ударил в грязь лицом».

Стало сызнава смеркаться;
Средний брат пошёл собирать:
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать –
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

«Эй вы, сони! Что вы спите!

Брату двери отоприте;

Ночью страшный был мороз, –

До животиков промёрз».

Братья двери отворили,

Караульщика впустили,

Стали спрашивать его:

Не видал ли он чего?

Караульщик помолился,

Вправо, влево поклонился

И сквозь зубы отвечал:

«Всю я ноченьку не спал,

Да, к моей судьбе несчастной,

Ночью холод был ужасный,

До сердец меня пробрал;

Всю я ночку проскакал;

Слишком было несподручно...

Впрочем, всё благополучно».

И ему сказал отец:

«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,

Надо младшему собираться;

Он и усом не ведёт,

На печи в углу поёт

Изо всей дурацкой мочи:

«Распрекрасные вы очи!»

Братья ну ему пенять,

Стали в поле погонять,

Но, сколь долго ни кричали,

Только голос потеряли:

Он ни с места. Наконец

Подошёл к нему отец,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
Говорит ему: «Послушай,

Побегай в дозор, Ванюша.

я куплю тебе лубков[1],

дам гороху и бобов».

Тут Иван с печи слезает,

Малахай[2] свой надевает,

Хлеб за пазуху кладёт,

Караул держать идёт.

Ночь настала, месяц всходит;

Поле всё Иван обходит,

Озираючись кругом,

И садится под кустом;

Звёзды на небе считает

Да краюшку уплетает.

Вдруг о полночь конь заржал..

Караульщик наш привстал,

Посмотрел под рукавицу

И увидел кобылицу.

Кобылица та была

вся, как зимний снег, бела,

Грива в землю, золотая,

В мелки кольца завитая.

«Эхе-хе! так вот какой

Наш воришко!.. Но, постой,

Я шутить ведь, не умею,

Разом сяду те на шею.

Вишь, какая саранча!»

И, минуто улуча,

К кобылице подбегает,

За волнистый хвост хватает

И прыгнул к ней на хребёт –

Только задом наперёд.

Кобылица молодая,

Очью[3] бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась, как стрела.
Вьётся кругом над полями,
Виснет пластью[4] надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном.
Но Иван и сам не прост –
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван, – ему сказала, –
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною
Сколько смыслишь. Да смотри:
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней –
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да ещё рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
Ни за чёрную, слышь, бабку.

На земле и под землёй
Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет;
В голод хлебом угостит,
В жажду мёдом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

«Ладно», – думает Иван
И в пастуший балаган[5]
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
«Ходил мóлодец на Пресню».

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь вскричали:
«Кто стучится сильно так?» –
«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Дурака в избу пустили
И давай его ругать, –
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

И ведёт оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
Звёзды на небе считал;
Месяц, ровно[6], тоже свётил, –
я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бороною и с усам;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то – что те плоски!
Вот и стал тот чёрт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею –
И вскочи ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал,
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его, как в жóмах[7].
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил,
Да чертёнку и поверил».
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли – захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не мог сдержаться,

чтоб до слёз не посмеяться,
Хоть смеяться – так оно
Старикам уж и грешно.
Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, –
я про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, –
ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.
Ну-с, так вот что! Раз Данило
(в праздник, помнится, то было),
натянувшись зельно[8] пьян,
затащился в балаган.
Что ж он видит? – Прекрасивых
двух коней золотогривых
да игрушечку-конька
ростом только в три вершка,
на спине с двумя горбами
да с аршинными ушами.
«Хм! Теперь-то я узнал,
для чего здесь дурень спал!» –
говорит себе Данило...
Чудо разом хмель посбило;
вот Данило в дом бежит
и Гавриле говорит:
«Посмотри, каких красивых
двух коней золотогривых
наш дурак себе достал:
ты и слыхом не слыхал».
И Данило да Гаврило,
что в ногах их мочи было,
по крапиве прямиком

Так и дуют босиком.
Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть!
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.
«Где он это их достал? –
Старший среднему сказал. –
Но давно уж речь ведётся,
Что лишь дурням клад даётся,
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Гаврило, в ту седмицу[9]
Отведём-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделим.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьёшь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому дураку
Недостанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!»
Братья разом согласились,

Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промеж собой
Про коней и про пирушку
И про чюдную зверушку.

Время катит чередом,
Час за часом, день за днём.
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдёт ли царь Салтан
Басурманить христиан?
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.
Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идёт,
Ест краюшку да поёт.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает
И с прискачкой, словно пан,
Боком входит в балаган.
Всё по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
Да приплясывал ногами.

Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган:
«Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал,
да какой вас чёрт украл?
чтоб пропасть ему, собаке!
чтоб издохнуть в буераке[10]!
чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!»
Тут конёк ему заржал.
«Не тужи, Иван, – сказал, –
велика беда, не спорю,
Но могу помочь я горю.
Ты на чёрта не клепли[11]:
Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;
я хоть росту небольшого,
да сменю коня другого:
как пущусь да побегу,
так и беса настигу[12]».
Тут конёк пред ним ложится;
на конька Иван садится,
уши в загреби[13] берёт,
что есть мочушки ревет.
Горбунок-конёк встряхнулся,
встал на лапки, встрепенулся,
хлопнул гривкой, захрапел

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алекс
И стрелою полетел;

Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами.
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись.

А Иван им стал кричать:

«Стыдно, братья, воровать!

Хоть Ивана вы умнее,

Да Иван-то вас честнее:

Он у вас коней не крал».

Старший, корчась, тут сказал:

«Дорогой наш брат Иваша,

что переться[14] – дело наше!

Но возьми же ты в расчёт

Некорыстный наш живот[15].

Сколь пшеницы мы ни сеем,

Чуть насущный хлеб имеем.

А коли неурожай,

Так хоть в петлю полезай!

Вот в такой большой печали

Мы с Гаврилой толковали

Всю намеднишнюю ночь –

Чем бы горюшку помочь?

Так и этак мы вершили,

Наконец вот так решили:

Чтоб продать твоих коньков

Хоть за тысячу рублёв.

А в спасибо, молвить к слову,

Привезти тебе обнову –

Красну шапку с позвонком

Да сапожки с каблучком.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

да к тому ж старик неможет[16],
Работать уже не может;
А ведь надо ж мыкать век, –
Сам ты умный человек!» –
«Ну, коль этак, так ступайте, –
Говорит Иван, – продайте
Златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня».
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.
Стало на́ небе темнеть;
Воздух начал холодеть;
Вот, чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.
Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с естным[17] лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что боже даст,
Кто во что из них горазд.
Вот Данило вдруг приметил,
Что огонь вдали засветил.
На Гаврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул
И прикашлянул легонько,
Указав огонь тихонько;
Тот в затылке почесал,
«Эх, как тёмно! – он сказал. –
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,
Всё бы легче. А теперь,
Право, хуже мы тетерь...
Да постой-ка... мне сдаётся,
Что дымок там светлый вьётся...

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

Видишь, эвон!.. Так и есть!..

Вот бы курево[18] развесть!

Чудо было б!.. А послушай,

Побегай-ка, брат Ванюша!

А, признаться, у меня

Ни огнива, ни кремня».

Сам же думает Данило:

«Чтоб тебя там задавило!»

А Гаврило говорит:

«Кто-петь[19] знает, что горит!

Коль станичники[20] пристали –

Поминай его, как звали!»

Всё пустяк для дурака.

Он садится на конька,

Бьёт в круты бока ногами,

Теребит его руками,

Из всех горланит сил..

Конь взвился, и след простыл.

«Буди с нами крестна сила! –

Закричал тогда Гаврило,

Оградясь крестом святым. –

Что за бес такой под ним!»

Огонёк горит светлее,

Горбунок бежит скорее.

Вот уж он перед огнём.

Светит поле словно днём;

Чудный свет кругом струится,

Но не греет, не дымится.

Диву дался тут Иван.

«Что, – сказал он, – за шайтан!

Шапок с пять найдётся свету,

А тепла и дыму нету;

Эко чудо-огонёк!»

Говорит ему конёк:

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

«Вот уж есть чему дивиться!

Тут лежит перо Жар-птицы,

Но для счастья своего

Не бери себе его.

Много, много непокою

Принесёт оно с собою». –

«Говори ты! Как не так!» –

Про себя ворчит дурак;

И, подняв перо Жар-птицы,

Завернул его в тряпицы,

Тряпки в шапку положил

И конька поворотил.

Вот он к братьям приезжает

И на спрос их отвечает:

«Как туда я доскакал,

Пень горелый увидал;

Уж над ним я бился, бился,

Так что чуть не надсадился;

Раздувал его я с час –

Нет ведь, чёрт возьми, угас!»

Братья целу ночь не спали,

Над Иваном хохотали;

А Иван под воз присел,

Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали

И в столицу приезжали,

Становились в конный ряд,

Супротив больших палат.

В той столице был обычай:

Коль не скажет городничий[21] –

Ничего не покупать,

Ничего не продавать.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
Вот обедня наступает;

Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним глашатай,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
«Гости! [22] Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте.

А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому [23],
Ни давежа [24], ни погрому,
И чтобы никой урод
Не обманывал народ!»

Гости лавки отпирают,
Люд крещёный закликают:
«Эй, честные господа,
К нам пожалуйте сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!»
Покупальщики идут,
У гостей товар берут;
Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрит – давка от народу.
Нет ни выходу ни входу;
Так кишмя вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.
«Эй вы, черти босоноги!
Прочь с дороги! прочь с дороги!»
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.
Пред глазами конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой...

Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тёр себе затылок.
«Чуден, – молвил, – божий свет,
Уж каких чудес в нём нет!»
Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился.
Городничий между тем
Наказал престоного всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всём царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.
Приезжает во дворец.
«Ты помилуй, царь-отец! –
Городничий восклицает

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алекс
И всем телом упадет. –

Не вели меня казнить,

Прикажи мне говорить!»

Царь изволил молвить: «Ладно,

Говори, да только складно». –

«Как умею, расскажу:

Городничим я служу;

Верой-правдой исправляю

Эту должность...» – «Знаю, знаю!» –

«Вот сегодня, взяв отряд,

Я поехал в конный ряд.

Приезжаю – тьма народу!

Ну, ни выходу ни входу.

Что тут делать?.. Приказал

Гнать народ, чтоб не мешал.

Так и случилось, царь-надёжа!

И поехал я – и что же?

Предо мною конный ряд;

Два коня в ряду стоят,

Молодые, вороные,

Вьются гривы золотые,

В мелки кольца завитой,

Хвост струится золотой,

И алмазные копыты

Крупным жемчугом обиты».

Царь не мог тут усидеть.

«Надо коней поглядеть, –

Говорит он, – да не худо

И завести такое чудо.

Гей, повозку мне!» И вот

Уж повозка у ворот.

Царь умылся, нарядился

И на рынок покатился;

За царём стрельцов[25] отряд.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
Вот он въехал в конный ряд.

На колени все тут пали

И «ура» царю кричали.

Царь раскланялся и вмиг

Молодцом с повозки прыг...

Глаз своих с коней не сводит,

Справа, слева к ним заходит,

Словом ласковым зовёт,

По спине их тихо бьёт,

Треплет шею их крутую,

Гладит гриву золотую,

И, довольнo засмотрясь,

Он спросил, оборотясь

К окружавшим: «Эй, ребята!

Чьи такие жеребята?

Кто хозяин?» Тут Иван,

Руки в боки, словно пан,

Из-за братьев выступает

И, надувшись, отвечает:

«Эта пара, царь, моя,

И хозяин – тоже я». –

«Ну, я пару покупаю!

Продаёшь ты?» – «Нет, меняю». –

«Что в промен берёшь добра?» –

«Два-пять шапок серебра». –

«То есть, это будет десять».

Царь тотчас велел отвесить

И, по милости своей,

Дал в прибавок пять рублей.

Царь-то был великодушный!

Повели коней в конюшни

Десять конюхов седых,

Все в нашивках золотых,

Все с цветными кушаками

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин и с сафьянными бичами.

Но дорогой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.
Царь отправился назад,
Говорит ему: «Ну, брат,
Пара нашим не даётся;
Делать нечего, придётся
Во дворце тебе служить;
Будешь в золоте ходить,
В красно платье[26] наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Всю конюшенну мою
я в приказ тебе даю[27],
Царско слово в том порука.
Что, согласен?» – «Эка штука!
Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдаёт;
То есть, я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!»

Тут он кликнул скакунов
И пошёл вдоль по столице,
Сам махая рукавицей,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конёк его – горбатко –
Так и ломится вприсядку,
К удивленью людям всем.
Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В опояски их зашили,
Постучали ендовой[28]
И отправились домой.
Дома дружно поделились,
Оба враз они женились,
Стали жить да поживать
Да Ивана поминать.

Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,
Что наделал наш Иван,
Находясь во службе царской,
При конюшне государской;
Как в суседки[29] он попал,
Как перо своё проспал,
Как хитро поймал Жар-птицу,
Как похитил Царь-девицу,
Как он ездил за кольцом,
Как был на небе послом,
Как он в Солнцевом селенье
Киту выпросил прощенье;
Как, к числу других затей,
Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился[30];

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
Словом: наша речь о том,

Как он сделался царём.

Часть вторая
Скоро сказка сказывается,

А не скоро дело делается

Зачинается рассказ

От Ивановых проказ,

И от сивка, и от бурка,

И от вещего коурка.

Козы на море ушли;

Горы лесом поросли;

Конь с золотой узды срывался,

Прямо к солнцу поднимался;

Лес стоячий под ногой,

Сбоку облак громовой;

Ходит облак и сверкает,

Гром по небу рассыпает.

Это присказка: пожди,

Сказка будет впереди.

Как на море-окияне

И на острове Буяне

Новый гроб в лесу стоит,

В гробе девица лежит;

Соловей над гробом свищет;

Чёрный зверь в дубраве рыщет,

Это присказка, а вот –

Сказка чередом пойдёт.

Ну, так видите ль, миряне,

Православны христиане,

Наш удалый молодец

Затесался во дворец;

При конюшне царской служит

И нисколько не потужит

Он о братьях, об отце

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

В государевом дворце.

Да и что ему до братьев?

У Ивана красных платьев,

Красных шапок, сапогов

Чуть не десять коробов;

Ест он сладко, спит он столько,

Что раздолье, да и только!

Вот неделей через пять

Начал спальник[31] примечать...

Надо молвить, этот спальник

До Ивана был начальник

Над конюшней надо всей,

Из боярских слыл детей;

Так не диво, что он злился

На Ивана и божился,

Хоть пропасть, а пришлеца́

Потурить вон из дворца.

Но, лукавство сокрывая,

Он для всякого случая́

Притворился, плут, глухим,

Близоруким и немым;

Сам же думает: «Постой-ка,

я те двину, неумойка!»

Так, неделей через пять

Спальник начал примечать,

Что Иван коней не холит,

И не чистит, и не школит,

Но при всём том два коня

Словно лишь из-под гребня:

Чисто-начисто обмыты,

Гривы в косы перевиты,

Чёлки собраны в пучок,

Шерсть – ну, лóснится, как шёлк;

В стойлах – свежая пшеница,

Словно тут же и рождается,

И в чанах больших сыта[32]

Будто только налита.

«Что за притча[33] тут такая? –

Спальник думает вздыхая. –

Уж не ходит ли, постой,

К нам проказник-домовой?

Дай-ка я подкараулю,

А нешто, так я и пулю,

Не смигнув, умею слить[34], –

Лишь бы дурня уходить.

Донесу я в думе царской,

Что конюший государской –

Басурманин[35], ворожей,

Чернокнижник[36] и злодей;

Что он с бесом хлеб-соль водит,

В церковь божию не ходит,

Католицкий держит крест

И постами мясо ест».

В тот же вечер этот спальник,

Прежний конюших начальник,

В стойлы спрятался тайком

И обсыпался овсом.

Вот и полночь наступила.

У него в груди заныло:

Он ни жив ни мёртв лежит,

Сам молитвы всё творит.

Ждёт суседки... Чу! в сам-деле,

Двери глухо заскрыпели,

Кони топнули, и вот

Входит старый коновод.

Дверь задвижкой запирает,

Шапку бережно скидает,
На окно её кладёт
И из шапки той берёт
В три завёрнутый тряпицы
Царский клад – перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблистал,
Что чуть спальник не вскричал,
И от страху так забился,
Что овёс с него свалился.
Но суседке невдомёк!
Он кладёт перо в сусек[37],
Чистить коней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетёт,
Разны песенки поёт.

А меж тем, свернувшись клубом,
Поколачивая зубом,
Смотрит спальник, чуть живой,
Что тут деет домовой.
Что за бес! Нештó нарочно
Прирядился плут полночный:
Нет рогов, ни бороды,
Ражий парень, хоть куды!
Волос гладкий, сбоку ленты,
На рубашке прозументы[38],
Сапоги как ал сафьян, –
Ну, точнёхонько Иван.
Что за диво? Смотрит снова
Наш глазей на домового..
«Э! так вот что! – наконец
Проворчал себе хитрец, –
Ладно, завтра ж царь узнает,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
что твой глупый ум скрывает.

Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня!»
А Иван, совсем не зная,
что ему беда такая
угрожает, всё плетёт
Гривы в косы да поёт.
А убрав их, в оба чана
Нацедил сыты медвяной
И насыпал до полно
Белоярова пшена.
Тут, зевнув, перо Жар-птицы
Завернул опять в тряпицы,
Шапку под ухо – и лёг
У коней близ задних ног.
Только начало зориться[39],
Спальник начал шевелиться,
И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан[40],
Он тихонько вниз слезает
И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хватить перо – и след простыл.
Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить». –
«Говори, не прибавляя, –
Царь сказал ему, зевая.
Если ж ты да будешь врать,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
То кнута не миновать».

Спальник наш, собравшись с силой,

Говорит царю: «Помилуй!

Вот те истинный Христос,

Справедлив мой, царь, донос.

Наш Иван, то всякий знает,

От тебя, отец, скрывает,

Но не золото, не серебро –

Жароптицево перо...» –

«Жароптицево?.. Проклятый!

И он смел, такой богатый...

Погоди же ты, злодей!

Не минуешь ты плетей!..» –

«Да и то ль ещё он знает! –

Спальник тихо продолжает

Изогнувшись. – Добро!

Пусть имел бы он перо;

Да и самую Жар-птицу

Во твою, отец, светлицу,

Коль приказ изволишь дать,

Похваляется достать».

И доносчик с этим словом,

Скрючась обручем таловым[41],

Ко кровати подошёл,

Подав клад – и снова в пол.

Царь смотрел и дивовался,

Гладил бороду, смеялся

И скусил пера конец.

Тут, уклав его в ларец,

Закричал (от нетерпенья),

Подтвердив своё веленье

Быстрым взмахом кулака:

«Гей! позвать мне дурака!»

И посыльные дворяна

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр
Побежали по Ивану,

Но, столкнувшись все в углу,

Растянулись на полу.

Царь тем много любовался

И до колотья смеялся.

А дворяна, усмотря,

Что смешно то для царя,

Меж собой перемигнулись

И вдругорядь растянулись.

Царь тем так доволен был,

Что их шапкой наградил.

Тут посыльные дворяна

Вновь пустились звать Ивана

И на этот уже раз

Обошлись без проказ.

Вот к конюшне прибегают,

Двери настежь отворяют

И ногами дурака

Ну толкать во все бока.

С полчаса над ним возились,

Но его не добудились.

Наконец уж рядовой

Разбудил его метлой.

«Что за челядь[42] тут такая? –

Говорит Иван вставая. –

Как хвачу я вас бичом,

Так не станете потом

Без пути будить Ивана».

Говорят ему дворяна:

«Царь изволил приказать

Нам тебя к нему позвать». –

«Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся

И тотчас к нему явлюся», –

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

Говорит послам Иван.

Тут надел он свой кафтан,

Опояской подвязался,

Приумылся, причесался,

Кнут свой сбоку прицепил,

Словно утица поплыл.

Вот Иван к царю явился,

Поклонился, подбодрился,

Крякнул дважды и спросил:

«А пошто меня будил?»

Царь, прищурясь глазом левым,

Закричал к нему со гневом,

Приподнявшись: «Молчать!

Ты мне должен отвечать:

В силу коего указа

Скрыл от нашего ты глаза

Наше царское добро –

Жароптицево перо?

Что я – царь али боярин?

Отвечай сейчас, татарин!»

Тут Иван, махнув рукой,

Говорит царю: «Постой!

Я те шапки ровно не дал,

Как же ты о том проведал?

Что ты – ажно[43] ты пророк?

Ну, да что, сади в острог[44],

Прикажи сейчас хоть в палки –

Нет пера, да и шабалки[45]!..» –

«Отвечай же! запорю!..» –

«Я те толком говорю:

Нет пера! Да, слышь, откуда

Мне достать такое чудо?»

Царь с кровати тут вскочил

И ларец с пером открыл.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

«Что? Ты смел ещё переться?

Да уж нет, не отвертеться!

Это что? А?» Тут Иван

Задрожал, как лист в буран,

Шапку выронил с испуга.

«Что, приятель, видно, туго? –

Молвил царь. – Постой-ка, брат!..» –

«Ох, помилуй, виноват!

Отпусти вину Ивану,

Я вперёд уж врать не стану».

И, закутавшись в полу,

Растянулся на полу.

«Ну, для первого случая

я вину тебе прощаю, –

Царь Ивану говорит. –

я, помилуй бог, сердит!

И с сердцов иной порою

Чуб сниму и с головою.

Так вот, видишь, я каков!

Но, сказать без дальних слов,

я узнал, что ты Жар-птицу

В нашу царскую светлицу,

Если б вздумал приказать,

Похваляешься достать.

Ну, смотри ж, не отпирайся

И достать её старайся».

Тут Иван волчком вскочил.

«Я того не говорил! –

Закричал он утираясь. –

О пере не запираюсь,

Но о птице, как ты хошь,

Ты напраслину ведёшь».

Царь, затряси бородою:

«Что? Рядиться[46] мне с тобою! –

Закричал он. – Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Ты заплатишься со мной:
На правёж – в решётку – на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.

Горбунок, его почуя,
Дрягнул было плясовую[47];
Но, как слёзы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? –
Говорит ему конёк,
У его вертяся ног. –
Не утайся предо мною,
Всё скажи, что за душою.
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конёк! – сказал. –
Царь велит достать Жар-птицу
В государскую светлицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конёк:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Оттого беда твоя,

Что не слушался меня:

Помнишь, ехав в град-столицу,

Ты нашёл перо Жар-птицы;

Я сказал тебе тогда:

Не бери, Иван, – беда!

Много, много непокою

Принесёт оно с собою.

Вот теперя ты узнал,

Правду ль я тебе сказал.

Но, сказать тебе по дружбе,

Это – службишка, не служба;

Служба всё, брат, впереди.

Ты к царю теперя поди

И скажи ему открыто:

«Надо, царь, мне два корыта

Белоярова пшена

Да заморского вина.

Да вели поторопиться:

Завтра, только зазорится,

Мы отправимся, в поход».

Вот Иван к царю идёт,

Говорит ему открыто:

«Надо, царь, мне два корыта

Белоярова пшена

Да заморского вина.

Да вели поторопиться:

Завтра, только зазорится,

Мы отправимся в поход».

Царь тотчас приказ даёт,

Чтоб посыльные дворяна

Все сыскали для Ивана,

Молодцом его назвал

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

и «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,

Разбудил конёк Ивана:

«Гей! Хозяин! Полно спать!

Время дело исправлять!»

Вот Иванушка поднялся,

В путь-дорожку собирался,

Взял корыта, и пшено,

И заморское вино;

Потеплее приоделся,

На коньке своём уселся,

Вынул хлеба ломоток

И поехал на восток –

Доставать тоё Жар-птицу.

Едут целую седмицу,

Напоследок, в день осьмой,

Приезжают в лес густой.

Тут сказал конёк Ивану:

«Ты увидишь здесь поляну;

На поляне той гора

Вся из чистого серебра;

Вот сюда то до зарницы

Прилетают жары-птицы

Из ручья воды испить;

Тут и будем их ловить».

И, окончив речь к Ивану,

Выбегает на поляну.

Что за поле! Зелень тут

Словно камень-изумруд;

Ветерок над нею веет,

Так вот искорки и сеет;

А по зелени цветы

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин–Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алекс
Несказанной красоты.

А на той ли на поляне,
Словно вал на окяне,
Возвышается гора
Вся из чистого сребра.
Солнце летними лучами
Красит всю её зарями,
В сгибах золотом бежит,
На верхах свечой горит.
Вот конёк по косогору
Поднялся на эту гору,
Вёрсту, другу пробежал,
Устоялся и сказал:
«Скоро ночь, Иван, начнётся,
И тебе стеречь придётся.
Ну, в корыто лей вино
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Ты под то подлезь корыто,
Втихомолку примечай,
Да, смотри же, не зевай.
До восхода, слышь, зарницы
Прилетят сюда жар–птицы
И начнут пшено клевать
Да по–своему кричать.
Ту, которая поближе,
И схвати её, смотри же!
А поймаешь птицу–жар,
И кричи на весь базар;
Я тотчас к тебе явлюсь». –
«Ну, а если обожгуся? –
Говорит коньку Иван,
Расстилая свой кафтан. –
Рукавички взять придётся:

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин, Чай, плутовка больно жгётся».

Тут конёк из глаз исчез,
А Иван, кряхтя, подлез
Под дубовое корыто
И лежит там как убитый.

Вот полночною порой
Свет разлился над горой, –
Будто полдни наступают:
Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать
И пшено с вином клевать.
Наш Иван, от них закрытый,
Смотрит птиц из-под корыта
И толкует сам с собой,
Разводя вот так рукой:
«Тьфу ты, дьявольская сила!
Эк их, дряней, привалило!
Чай, их тут десятков с пять.
Кабы всех переимать[48], –
То-то было бы поживы!
Неча молвить, страх красивы!
Ножки красные у всех;
А хвосты-то – сущий смех!
Чай, таких у куриц нету.
А уж сколько, парень, свету,
Словно батюшкина печь!»
И, скончав такую речь,
Сам с собою под лазейкой,
Наш Иван ужом да змейкой
Ко пшену с вином подполз, –
Хвать одну из птиц за хвост.
«Ой, конёчек-горбуночек!
Прибегай скорей, дружочек!

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

Я ведь птицу-то поймал», –
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
«Ай, хозяин, отличился! –
Говорит ему конёк. –
Ну, скорей её в мешок!
Да завязывай тужеё;
А мешок привесь на шею.
Надо нам в обратный путь». –
«Нет, дай птиц-то мне пугнуть!
Говорит Иван. – Смотри-ка,
Вишь, надселися от крика!»
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперёк.
Ярким пламенем сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кругом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щёлоком облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши путники собрались,
Уложили царский клад
И вернулись назад.
Вот приехали в столицу.
«Что, достал ли ты Жар-птицу?» –
Царь Ивану говорит,
Сам на спальника глядит.
А уж тот, нешто от скуки,
Искусал себе все руки.
«Разумеется, достал», –
Наш Иван царю сказал.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

«Где ж она?» – «Постой немножко,

Прикажи сперва окошко

В почивальне[49] затворить,

Знашь, чтоб темень сотворить».

Тут дворяна побежали

И окошко затворяли.

Вот Иван мешок на стол:

«Ну-ка, бабушка, пошёл!»

Свет такой тут вдруг разлился,

Что весь двор рукой закрылся.

Царь кричит на весь базар:

«Ахти, батюшки, пожар!

Эй, решётчных[50] сзывайте!

Заливайте! Заливайте!» –

«Это, слышь ты, не пожар,

Это свет от птицы-жар, –

Молвил ловчий, сам со смеху

Надрываясь. – Потеху

я привёз те, осударь!»

Говорит Ивану царь:

«Вот люблю дружка Ванюшу!

Взвеселил мою ты душу,

И на радости такой –

Будь же царский стремянной! [51]»

Это видя, хитрый спальник,

Прежний конюших начальник,

Говорит себе под нос:

«Нет, постой, молокосос!

Не всегда тебе случится

Так канальски отличиться.

Я те снова подведу,

Мой дружочек, под беду!»

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
Через три потом недели

Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители двора;
Попивали мёд из жбана
Да читали Еруслана.
«Эх! – один слуга сказал, –
Как севодни я достал
От соседа чудо-книжку!
В ней страниц не так чтоб слишком,
Да и сказок только пять,
А уж сказки – вам сказать,
Так не можно надивиться;
Надо ж этак умудриться!»
Тут все в голос: «Удружи!
Расскажи, брат, расскажи!» –
«Ну, какую ж вы хотите?
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка о бобре,
А вторая о царе;
Третья... дай бог память... точно!
О боярыне восточной;
Вот в четвёртой: князь Бобыл;
В пятой... в пятой... эх, забыл!
В пятой сказке говорится...
Так в уме вот и вертится...» –
«Ну, да брось её!» – «Постой!» –
«О красотке, что ль, какой?» –
«Точно! В пятой говорится
О прекрасной Царь-девице.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу севодни я?» –
«Царь-девицу! – все кричали. –
О царях мы уж слышали,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
Нам красоток-то скорей!

Их и слушать веселей».

И слуга, усевшись важно,

Стал рассказывать протяжно:

«У далёких немских стран[52]

Есть, ребята, окиян.

По тому ли окияну

Ездят только басурманы;

С православной же земли

Не бывали николи

Ни дворяне, ни миряне

На поганом окияне.

От гостей же слух идёт,

Что девица там живёт;

Но девица не простая,

Дочь, вишь, месяцу родная,

Да и солнышко ей брат.

Та девица, говорят,

Ездит в красном полушубке,

В золотой, ребята, шлюпке

И серебряным веслом

Самолично правит в нём;

Разны песни попевает

И на гусельцах играет...»

Спальник тут с полатей скок –

И со всех обеих ног

Во дворец к царю пустился

И как раз к нему явился;

Стукнул крепко об пол лбом

И запел царю потом:

«Я с повинной головою,

Царь, явился пред тобою,

Не вели меня казнить,

Прикажи мне говорить!» –

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
«Говори, да правду только,

И не ври, смотри, нисколько!» –

Царь с кровати закричал.

Хитрый спальник отвечал:

«Мы севодни в кухне были,

За твоё здоровье пили,

А один из дворских слуг

Нас забавил сказкой вслух;

В этой сказке говорится

О прекрасной Царь-девице.

Вот твой царский стремянной

Поклялся твоей брадой,

Что он знает эту птицу, –

Так он назвал Царь-девицу, –

И её, изволишь знать,

Похваляется достать».

Спальник стукнул об пол снова.

«Гей, позвать мне стремяннова!» –

Царь посыльным закричал.

Спальник тут за печку стал.

А посыльные дворяна

Побежали по Ивана;

В крепком сне его нашли

И в рубашке привели.

Царь так начал речь: «Послушай,

На тебя донос, Ванюша.

Говорят, что вот сейчас

Похвалялся ты для нас

Отыскать другую птицу,

Сиречь [53] молвить, Царь-девицу...» –

«Что ты, что ты, бог с тобой! –

Начал царский стремянной. –

Чай, с просонков я, толкую,

Штуку выкинул такую.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
Да хитри себе как хошь,

А меня не проведёшь».

Царь, затряси бородою:

«Что? Рядиться мне с тобою? –

Закричал он. – Но смотри,

Если ты недели в три

Не достанешь Царь-девицу

В нашу царскую светлицу,

То, клянуся бородой!

Ты поплатишься со мной!

На правёж – в решётку – на кол!

Вон, холоп!» Иван заплакал

И пошёл на сеновал,

Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?

Что головушку повесил? –

Говорит ему конёк. –

Аль, мой милый, занемог?

Аль попался к лиходею?»

Пал Иван к коньку на шею,

Обнимал и целовал.

«Ох, беда, конёк! – сказал. –

Царь велит в свою светлицу

Мне достать, слышь, Царь-девицу.

Что мне делать, горбунок?»

Говорит ему конёк:

«Велика беда, не спорю;

Но могу помочь я горю.

Оттого беда твоя,

Что не слушался меня.

Но, сказать тебе по дружбе,

Это – службишка, не служба;

Служба всё, брат, впереди!

Ты к царю теперь поди
И скажи: «Ведь для поимки
Надо, царь, мне две ширинки[54],
Шитый золотом шатёр
да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
и сластей для прохлажденья»,
Вот Иван к царю идёт
И такую речь ведёт:
«Для царевниной поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатёр
да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
и сластей для прохлажденья». –
«Вот давно бы так, чем нет», –
Царь с кровати дал ответ
И велел, чтобы дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.
На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Гей! Хозяин! Полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял ширинки и шатёр
да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
и сластей для прохлажденья;
Всё в мешок дорожный склал
и верёвкой завязал,
Потеплее приоделся,

На коньке своём уселся;
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток
По тоё ли Царь-девицу.

Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конёк Ивану:
«Вот дорога к окияну,
И на нём-то круглый год
Та красавица живёт;
Два раза она лишь сходит
С окияна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к окияну,
На котором белый вал
Одинёшенек гулял.
Тут Иван с конька слезает,
А конёк ему вещает:
«Ну, раскидывай шатёр,
На ширинку ставь прибор
Из заморского варенья
И сластей для прохладенья.
Сам ложися за шатром
Да смекай себе умом.
Видишь, шлюпка вон мелькает..
То царевна подплывает.
Пусть в шатёр она войдёт,
Пусть покушает, попьёт;
Вот, как в гусли заиграет, –

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
Знай, уж время наступает.

Ты тотчас в шатер вбегай,
Ту царевну сохватай
И держи её сильнее
Да зови меня скорее.
Я на первый твой приказ
Прибегу к тебе как раз;
И поедем... Да, смотри же,
Ты гляди за ней поближе;
Если ж ты её проспишь,
Так беды не избежишь».
Тут конёк из глаз сокрылся,
За шатёр Иван забился
И давай диру[55] вертеть,
Чтоб царевну подсмотреть.

Ясный полдень наступает;
Царь-девица подплывает,
Входит с гусями в шатёр
И садится за прибор.
«Хм! Так вот та Царь-девица!
Как же в сказках говорится, –
Рассуждает стремянной, –
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
ТЬфу ты! словно у цыплёнка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму».
Тут царевна заиграла
И столь сладко припевала,

что Иван, не зная как,
Прикорнулся на кулак
И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.

Запад тихо догорал.

Вдруг конёк над ним заржал

И, толкнув его копытом,

Крикнул голосом сердитым:

«Спи, любезный, до звезды!

Высыпай себе беды,

Не меня ведь вздёрнут на кол!»

Тут Иванушка заплакал

И, рыдаючи, просил,

чтоб конёк его простил:

«Отпусти вину Ивану,

я вперёд уж спать не стану». –

«Ну, уж Бог тебя простит! –

Горбунок ему кричит. –

Всё поправим, может статья,

Только, чур, не засыпаться;

Завтра, рано поутру,

К златошвейному шатру

Приплывёт опять девица

Мёду сладкого напиться.

Если ж снова ты заснёшь,

Головы уж не снесёшь».

Тут конёк опять сокрылся;

А Иван собирать пустился

Острых камней и гвоздей

От разбитых кораблей

Для того, чтоб уколоться,

Если вновь ему вздремнётся.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

На другой день, поутру,

К златошвейному шатру

Царь-девица подплывает,

Шлюпку на берег бросает,

Входит с гусями в шатёр

И садится за прибор...

Вот царевна заиграла

И столь сладко припевала,

Что Иванушке опять

Захотелось поспать.

«Нет, постой же ты, дрянная! –

Говорит Иван вставая. –

Ты в другорядь не уйдёшь

И меня не проведёшь».

Тут в шатёр Иван вбегает,

Косу длинную хватает...

«Ой, беги, конёк, беги!

Горбунок мой, помоги!»

Вмиг конёк к нему явился.

«Ай, хозяин, отличился!

Ну, садись же поскорей

Да держи её плотней!»

Вот столицы достигает.

Царь к царевне выбегает,

За белы руки берёт,

Во дворец её ведёт

И садит за стол дубовый

И под занавес шелковый,

В глазки с нежностью глядит,

Сладки речи говорит:

«Бесподобная девица,

Согласися быть царица!

Я тебя едва узрел –

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

Сильной страстью воскипел.

Соколины твои очи

Не дадут мне спать средь ночи

И во время бела дня –

Ох! измучают меня.

Молви ласковое слово!

Всё для свадьбы уж готово;

Завтра ж утром, светик мой,

Обвенчаемся с тобой

И начнем жить припевая».

А царевна молодая,

Ничего не говоря,

Отвернулась от царя.

Царь нисколько не сердился,

Но сильней ещё влюбился;

На колен пред нею стал,

Ручки нежно пожимал

И балясы начал снова:

«Молви ласковое слово!

Чем тебя я огорчил?

Али тем, что полюбил?

«О, судьба моя плачевна!»

Говорит ему царевна:

«Если хочешь взять меня,

То доставь ты мне в три дня

Перстень мой из окяна». –

«Гей! Позвать ко мне Ивана!» –

Царь поспешно закричал

И чуть сам не побежал.

Вот Иван к царю явился,

Царь к нему оборотился

И сказал ему: «Иван!

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
Поезжай на окиян;

В окияне том хранится
Перстень, слышь ты, Царь-девицы.
Коль достанешь мне его,
Задарю тебя всего». –
«Я и с первой-то дороги
Волочу насилу ноги;
Ты опять на окиян!» –
Говорит царю Иван.
«Как же, плут, не торопиться:
Видишь, я хочу жениться! –
Царь со гневом закричал
И ногами застучал. –
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!»
Тут Иван хотел идти.
«Эй, послушай! По пути, –
Говорит ему царица, –
Заезжай ты поклониться
В изумрудный терем мой
Да скажи моей родной:
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик[56] свой ясный от меня?
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлёт луча ко мне?
Не забудь же!» – «Помнить буду,
Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать,
Кто те братец, кто те мать,
Чтоб в родне-то нам не сбиться».

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
Говорит ему царица:

«Месяц – мать мне, солнце – брат» –

«Да, смотри, в три дня назад!» –

Царь-жених к тому прибавил.

Тут Иван царя оставил

И пошёл на сеновал,

Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?

Что головушку повесил?» –

Говорит ему конёк.

«Помоги мне, горбунок!

Видишь, вздумал царь жениться,

Знашь, на тоненькой царице,

Так и шлёт на окиян, –

Говорит коньку Иван. –

Дал мне сроку три дня только;

Тут попробовать изволь-ка

Перстень дьявольский достать!

Да велела заезжать

Эта тонкая царица

Где-то в терем поклониться

Солнцу, месяцу, притом

И спросать кое об чём...»

Тут конёк: «Сказать по дружбе,

Это – службишка, не служба;

Служба всё, брат, впереди!

Ты теперя спать поди;

А на завтра, утром рано,

Мы поедем к окияну».

На другой день наш Иван,

Взяв три луковки в карман,

Потеплее приоделся,

На коньке своём уселся

И поехал в дальний путь...

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алекс
Дайте, братцы, отдохнуть!

Часть третья
Доселева Макар огороды копал,
А нынече Макар в воеводы попал

Та-ра-рали, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
«Эй, послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдёт у них тут пир,
Что на весь крещёный мир!»
Это присказка ведётся,
Сказка после начнётся.
Как у наших у ворот
Муха песенку поёт:
«Что дадите мне за вестку?
Бьёт свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула:
«Не ходи ты по зарям!
Не кажися молодцам!»
Это присказка велася,
Вот и сказка началась.

Ну-с, так едет наш Иван
За кольцом на окиян.
Горбунок летит, как ветер,
И в почин на первый вечер
Вёрст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.
Подъезжая к окияну,
Говорит конёк Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну –
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,
Чем прощенье получить;
Он учнёт тебя просить,
Чтоб ты в солнечном селенье
Попросил ему прощенье;
Ты исполнить обещаешь,
Да, смотри ж, не забывай!»
Вот въезжают на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Ищут девушки грибов.

Вот конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько воздыхая:
«Путь-дорога, господа!
Вы откуда, и куда?» –
«Мы послы от Царь-девицы,
Едем оба из столицы, –
Говорит киту конёк, –
К солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые». –
«Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у солнышка спросить:
долго ль мне в опале[57] быть,
и за кои прегрешенья
я терплю беды-мученья?» –
«Ладно, ладно, рыба-кит!» –
Наш Иван ему кричит.
«Будь отец мне милосердный!
Вишь, как мучуся я, бедный!
Десять лет уж тут лежу...
я и сам те услужу!..» –
Кит Ивана умоляет,
Сам же горько воздыхает.
«Ладно-ладно, рыба-кит!» –
Наш Иван ему кричит.

Тут конёк под ним забился,
Прыг на берег – и пустился,
Только видно, как песок

Вьётся вихорем у ног.

Едут близко ли, далёко,

Едут низко ли, высоко

И увидели ль кого –

Я не знаю ничего.

Скоро сказка говорится,

дело мешкотно[58] творится.

Только, братцы, я узнал,

что конёк туда вбежал,

Где (я слышал стороною)

небо сходится с землею,

Где крестьянки лён прядут,

Прялки на небо кладут.

Тут Иван с землёй простился

и на небе очутился

и поехал, будто князь,

шапка набок, подбодрясь.

«Эко диво! эко диво!

Наше царство хоть красиво, –

говорит коньку Иван.

Средь лазоревых полян, –

а как с небом-то сравнится,

так под стельку не годится.

Что земля-то!.. ведь она

и черна-то и грязна;

здесь земля-то голубая,

а уж светлая какая!..

Посмотри-ка, горбунок,

видишь, вон где, на восток,

словно светится зарница...

чай, небесная светлица...

что-то больно высока!» –

так спросил Иван конька.

«Это терем Царь-девицы,
нашей будущей царицы, –
Горбунок ему кричит, –
По ночам здесь солнце спит,
А полуденной порою
Месяц входит для покою».
Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод;
Все столбы те завитые
Хитро в змейки золотые;
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами
Будто город с деревнями;
А на тереме из звезд –
Православный русский крест.
Вот конёк во двор въезжает;
Наш Иван с него слезает,
В терем к Месяцу идёт
И такую речь ведёт:
«Здравствуй, Месяц Месяцovich!
Я – Иванушка Петрович,
Из далёких я сторон
И привёз тебе поклон». –
«Сядь, Иванушка Петрович, –
Молвил Месяц Месяцovich, –
и поведай мне вину[59]
В нашу светлую страну
Твоего с земли прихода;

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
Из какого ты народа,

Как попал ты в этот край, –
Всё скажи мне, не утай», –
«Я с земли пришёл Землянской,
Из страны ведь христианской, –
Говорит, садясь, Иван, –
Переехал окиян
С порученьем от царицы –
В светлый терем поклониться
И сказать вот так, постой:
«Ты скажи моей родной:
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик какой-то от меня;
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлёт луча ко мне?»»

Так, кажися? – Мастерница
Говорить краснó царица;
Не припомнишь всё сполна,
Что сказала мне она». –
«А какая то царица?» –
«Это, знаешь, Царь-девица». –
«Царь-девица?.. Так она,
Что ль, тобой увезена?» –
Вскрикнул Месяц Месяцович.
А Иванушка Петрович
Говорит: «Известно, мной!
Вишь, я царский стремянной;
Ну, так царь меня отправил,
Чтобы я её доставил

В три недели во дворец;
А не то меня, отец,
Посадить грозился на кол». Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,
Целовать и миловать.
«Ах, Иванушка Петрович! –
Молвил Месяц Месяцovich. –
Ты принёс такую весть,
Что не знаю, чем и счесть!
А уж мы как горевали,
Что царевну потеряли!..
Оттого-то, видишь, я
По три ночи, по три дня
В тёмном облаке ходила,
Всё грустила да грустила,
Трое суток не спала.
Крошки хлеба не брала,
Оттого-то сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный,
Луч свой жаркий погасил,
Миру божью не светил:
Всё грустил, вишь, по сестрице,
Той ли красной Царь-девице.
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?» –
«Всем бы, кажется, красotka,
Да у ней, кажись, сухotka:
Ну, как спичка, слышь, тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней». Месяц вскрикнул: «Ах, злодей!

Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том –
Просидит он женихом!
Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!
Полно, лаком больно стал!»
Тут Иван опять сказал:
«Есть ещё к тебе прошение,
То о китовом прощенье..
Есть, вишь, море; чудо-кит
Поперёк его лежит:
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты..
Он, бедняк, меня прошал [60],
Чтобы я тебя спросал:
Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прощенье?
И на что он тут лежит?»
Месяц ясный говорит:
«Он за то несёт мученье,
Что без божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет бог с него невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».

Тут Иванушка поднялся,
С светлым месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щёки целовал.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин, Иванушка Петрович! –

Молвил Месяц Месяцovich. –

Благодарствую тебя

За сынка и за себя.

Отнеси благословенье

Нашей дочке в утешенье

И скажи моей родной:

«Мать твоя всегда с тобой;

Полно плакать и крушиться:

Скоро грусть твоя решится, –

И не старый, с бородой,

А красавец молодой

Поведёт тебя к налю».

Ну, прощай же! Бог с тобою!»

Поклонившись, как умел,

На конька Иван тут сел,

Свистнул, будто витязь знатный,

И пустился в путь обратный.

На другой день наш Иван

Вновь пришёл на окиян.

Вот конёк бежит по киту,

По костям стучит копытом.

Чудо-юдо рыба-кит

Так, вздохнувши, говорит:

«Что, отцы, моё прошение?

Получу ль когда прощенье?» –

«Погоди ты, рыба-кит!» –

Тут конёк ему кричит.

Вот в село он прибегает,

Мужиков к себе сзывает,

Чёрной гривкою трясёт

И такую речь ведёт:

«Эй, послушайте, миряне,

Православны христиане!

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Коль не хочет кто из вас

К водяному сесть в приказ[61],

Убирайся вмиг отсюда.

Здесь тотчас случится чудо:

Море сильно закипит,

Повернётся рыба-кит...»

Тут крестьяне и миряне,

Православны христиане,

Закричали: «Быть бедам!»

И пустились по домам.

Все телеги собирали;

В них, не мешкая, поклади

Всё, что было живота[62],

И оставили кита.

Утро с полднем повстречалось,

А в селе уж не осталось

Ни одной души живой,

Словно шёл Мамай войной!

Тут конёк на хвост вбегает,

К перьям близко прилегает

И что мочи есть кричит:

«Чудо-юдо рыба-кит!

Оттого твои мученья,

что без божия веленья

Проглотил ты средь морей

Три десятка кораблей.

Если дашь ты им свободу,

Снимет бог с тебя невзгоду,

Вмиг все раны заживит,

Долгим веком наградит».

И, окончив речь такую,

Закусил узду стальную,

Понатужился – и вмиг

На далёкий берег прыг.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Чудо-кит зашевелился,

Словно холм поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.
Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;
Поп с причётом всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов весёлый ряд
Грянул песню наподхват:
«Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли...»

Волны моря за клубились,
Корабли из глаз сокрылись.
Чудо-юдо рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плёсом[63] волны разбивая:
«Чем вам, други, услужить?
Чем за службу наградить?
Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Всё достать для вас готов!» –
«Нет, кит-рыба, нам в награду

Ничего того не надо, –
Говорит ему Иван, –
Лучше перстень нам достань, –
Перстень, знаешь, Царь-девицы,
Нашей будущей царицы». –
«Ладно, ладно! Для дружка
И серёжку из ушка!
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-девицы», –
Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.
Вот он плёсом ударяет,
Громким голосом сзывает
Осетриный весь народ
И такую речь ведёт:
«Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:
Будет думным дворянином.
Если ж умный мой приказ
Не исполните... я вас!»
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.
Через несколько часов
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
«Царь великий! не гневись!
Мы всё море уж, кажись,
Исходили и изрыли,
Но и знаку не открыли.
Только ёрш один из нас

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

Совершил бы твой приказ:

Он по всем морям гуляет,

Так уж, верно, перстень знает;

Но его, как бы назло,

Уж куда-то унесло». –

«Отыскать его в минуту

И послать в мою каюту!» –

Кит сердито закричал

И усами закачал.

Осетры тут поклонились,

В земский суд бежать пустились

И велели в тот же час

От кита писать указ,

чтоб гонцов скорей послали

и ерша того поймали.

Лещ, услыша сей приказ,

именной писал указ;

Сом (советником он звался)

Под указом подписался;

чёрный рак указ сложил

и печати приложил.

Двух дельфинов тут призвали

и, отдав указ, сказали,

чтоб, от имени царя,

обежали все моря

и того ерша-гуляку,

крикуна и забияку,

где бы ни было нашли,

к государю привели.

Тут дельфины поклонились

и ерша искать пустились.

Ищут час они в морях,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
Ищут час они в реках,

Все озёра исходили,
Все проливы переплыли,
Не могли ерша сыскать
И вернулись назад,
Чуть не плача от печали...
Вдруг дельфины услышали
Где-то в маленьком пруде
Крик неслышанный в воде.
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули, –
Глядь: в пруде, под камышом,
Ёрш дерётся с карасём.
«Смирно! черти б вас побрали!
Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!» –
Закричали им гонцы.
«Ну, а вам какое дело? –
Ёрш кричит дельфинам смело. –
Я шутить ведь не люблю,
Разом всех переколю!» –
«Ох ты, вечная гуляка
И крикун и забияка!
Всё бы, дрянь, тебе гулять,
Всё бы драться да кричать.
Дома – нет ведь, не сидится!..
Ну да что с тобой рядиться, –
Вот тебе царёв указ,
Чтоб ты плыл к нему тотчас».
Тут проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назад.
Ёрш ну рваться и кричать:
«Будьте милостивы, братцы!

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алекс
Дайте чуточку подраться.

Распроклятый тот карась
Поносил меня вчерась
При честном при всем собранье
Неподобной разной бранью...»
Долго ёрш ещё кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Всё тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред царя.

«Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?»
Кит со гневом закричал.
На колени ёрш упал,
И, признавшись в преступленье,
Он молился о прощенье.
«Ну, уж бог тебя простит! –
Кит державный говорит. –
Но за то твоё прощенье
Ты исполни повеленье». –
«Рад стараться, чудо-кит!» –
На коленях ёрш пищит.
«Ты по всем морям гуляешь,
Так уж, верно, перстень знаешь
Царь-девицы?» – «Как не знать!
Можем разом отыскать». –
«Так ступай же поскорее
Да сыщи его живее!»
Тут, отдав царю поклон,
Ёрш пошёл, согнувшись, вон.
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился

и салакушкам шести
Нос разбил он на пути.
Совершив такое дело,
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне –
Пуд по крайней мере во сто.
«О, здесь дело-то не просто!»
И давай из всех морей
Ёрш скликать к себе сельдей.
Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего –
«У-у-у!» да «о-о-о!»
Но сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
«Настоящие селедки!
Вам кнута бы вместо водки!» –
Крикнул ёрш со всех сердец
И нырнул по осетров.
Осетры тут приплывают
И без крика поднимают
Крепко ввязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.
«Ну, ребяташки, смотрите,
Вы к царю теперь плывите,
Я ж пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сон одолевает,
Так глаза вот и смыкает...»
Осетры к царю плывут,
Ёрш-гуляка прямо в пруд

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

(Из которого дельфины
Утащили за щетины),
Чай, додраться с карасём, –
я не ведаю о том.
Но теперь мы с ним простимся
И к Ивану возвратимся.

Тихо море-окиян.
На песке сидит Иван,
Ждёт кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный горбунок.
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.
А кита не тут-то было.
«Чтоб те, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтан! –
Говорит себе Иван. –
Обещался до зарницы
Вынести перстень Царь-девицы,
А доселе не сыскал,
Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село,
И...» Тут море закипело:
Появился чудо-кит
И к Ивану говорит:
«За твоё благодеянье
я исполнил обещанье».
С этим словом сундучок
Брякнул плотно на песок,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
Только берег закачался.

«Ну, теперь я расквитался.

Если ж вновь принужусь[64] я,

Позови опять меня;

Твоего благодеянья

Не забыть мне... До свиданья!»

Тут кит-чудо замолчал

И, всплеснув, на дно упал.

Горбунок-конёк проснулся,

Встал на лапки, отряхнулся,

На Иванушку взглянул

И четырежды прыгнул.

«Ай да Кит Китович! Славно!

Долг свой выплатил исправно!

Ну, спасибо, рыба-кит! –

Горбунок-конёк кричит. –

Что ж, хозяин, одевайся,

В путь-дорожку отправляйся;

Три денька ведь уж прошло:

Завтра срочное число[65].

Чай, старик уж умирает».

Тут Ванюша отвечает:

«Рад бы радостью поднять,

Да ведь силы не занять!

Сундучишко больно плотен,

чай, чертей в него пять сотен

Кит проклятый насажал.

Я уж трижды подымал;

Тяжесть страшная такая!»

Тут конёк, не отвечая,

Поднял ящичек ногой,

Будто камушек какой,

И взмахнул к себе на шею.

«Ну, Иван, садись скорее!

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
Помни, завтра минет срок,

А обратный путь далёк».

Стал четвёртый день зориться.

Наш Иван уже в столице.

Царь с крыльца к нему бежит.

«Что кольцо моё?» – кричит.

Тут Иван с конька слезает

И преважно отвечает:

«Вот тебе и сундучок!

Да вели-ка скликать полк:

Сундучишко мал хоть на вид,

Да и дьявола задавит».

Царь тотчас стрельцов позвал

И немедля приказал

Сундучок отнести в светлицу,

Сам пошёл по Царь-девицу.

«Перстень твой, душа, найдён, –

Сладкогласно молвил он, –

И теперь, примолвить снова,

Нет препятства никакого

Завтра утром, светик мой,

Обвенчаться мне с тобой.

Но не хочешь ли, дружочек,

Свой увидеть перстенёчек?

Он в дворце моём лежит».

Царь-девица говорит:

«Знаю, знаю! Но, признаться,

Нам нельзя ещё венчаться». –

«Отчего же, светик мой?

я люблю тебя душой;

Мне, прости ты мою смелость,

Страх жениться захотелось.

Если ж ты... то я умру

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

Завтра ж с горя поутру.

Сжался, матушка царица!»

Говорит ему девица:

«Но взгляни-ка, ты ведь сед;

Мне пятнадцать только лет:

Как же можно нам венчаться?

Все цари начнут смеяться,

Дед-то, скажут, внучку взял!»

Царь со гневом закричал:

«Пусть-ка только засмеются –

У меня как раз свернутся:

Все их царства полоню[66]!

Весь их род искореню!»

«Пусть не станут и смеяться,

Всё не можно нам венчаться, –

Не растут зимой цветы:

Я красавица, а ты?..

Чем ты можешь похвалиться?» –

Говорит ему девица.

«Я хоть стар, да я удал! –

Царь царице отвечал. –

Как немножко приберуся,

Хоть кому так покажуся

Разудалым молодцом.

Ну, да что нам нужды в том?

Лишь бы только нам жениться».

Говорит ему девица:

«А такая в том нужда,

Что не выйду никогда

За дурного, за седого,

За беззубого такого!»

Царь в затылке почесал

И, нахмурия, сказал:

«Что ж мне делать-то, царица?

Страх как хочется жениться;

Ты же, ровно на беду:

Не пойду да не пойду!» –

«Не пойду я за седова, –

Царь-девица молвит снова. –

Стань, как прежде, молодец,

я тотчас же под венец». –

«Вспомни, матушка царица,

Ведь нельзя переродиться;

Чудо бог один творит».

Царь-девица говорит:

«Коль себя не пожалеешь,

Ты опять помолодеешь.

Слушай: завтра на заре

На широком на дворе

Должен челядь ты заставить

Три котла больших поставить

И костры под них сложить.

Первый надобно налить

До краёв водой студёной,

А второй – водой варёной,

А последний – молоком,

Вскипятя его ключом.

Вот, коль хочешь ты жениться

И красавцем учиниться, –

Ты без платья, налегке,

Искупайся в молоке;

Тут побудь в воде варёной,

А потом ещё в студёной,

И скажу тебе, отец,

Будешь знатный молодец!»

Царь не вымолвил ни слова,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Кликнул тотчас стремяннова.

«Что, опять на окиян? –

Говорит царю Иван. –

Нет уж, дудки, ваша милость!

Уж и то во мне всё сбилось.

Не поеду ни за что!» –

«Нет, Иванушка, не то.

Завтра я хочу заставить

На дворе котлы поставить

И костры под них сложить.

Первый думаю налить

До краёв водой студёной,

А второй – водой варёной,

А последний – молоком,

Вскипятя его ключом.

Ты же должен постараться

Пробы ради искупаться

В этих трёх больших котлах,

В молоке и в двух водах». –

«Вишь, откуда подъезжает! –

Речь Иван тут начинает.

Шпарят только поросят,

Да индюшек, да цыплят;

Я ведь, глянь, не поросёнок,

Не индюшка, не цыплёнок.

Вот в холодной, так оно

Искупаться бы можно,

А подваривать как станешь,

Так меня и не заманишь.

Полно, царь, хитрить, мудрить

Да Ивана проводить!»

Царь, затряси бородою:

«Что? рядиться мне с тобою! –

Закричал он. – Но смотри!

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

Если ты в рассвет зари

Не исполнишь повеленье, –

я отдам тебя в мученье,

Прикажу тебя пытать,

По кусочкам разрывать.

Вон отсюда, болестъ злая!»

Тут Иванушка, рыдая,

Поплелся на сеновал,

Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?

Что головушку повесил? –

Говорит ему конёк. –

Чай, наш старый женишок

Снова выкинул затею?»

Пал Иван к коньку на шею,

Обнимал и целовал.

«Ох, беда, конёк! – сказал. –

Царь вконец меня сбывает;

Сам подумай, заставляет

Исккупаться мне в котлах,

В молоке и в двух водах:

Как в одной воде студёной,

А в другой воде варёной,

Молоко, слышь, кипяток».

Говорит ему конёк:

«Вот уж служба так уж служба!

Тут нужна моя вся дружба.

Как же к слову не сказать:

лучше б нам пера не брать;

От него-то, от злодея,

Столько бед тебе на шею..

Ну, не плачь же, бог с тобой!

Сладим как-нибудь с бедой.

И скорее сам я сгину,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
чем тебя, Иван, покину.

Слушай: завтра на заре,
В те поры, как на дворе
Ты разденешься, как должно,
Ты скажи царю: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать,
Чтоб впоследствии с ним проститься».

Царь на это согласится.
Вот как я хвостом махну,
В те котлы мордой макну,
На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котёл с водой варёной,
А оттудова в студёной.
А теперича молись
Да спокойно спать ложись».

На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Эй, хозяин, полно спать!
Время службу исполнять».
Тут Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на забор
И пошёл к царю во двор.
Там котлы уже кипели;
Подле них рядом сидели
Кучера и повара
И служители двора;
Дров усердно прибавляли,
Об Иване толковали

Втихомолку меж собой
И смеялись порой.
Вот и двери растворились;
Царь с царицей появились
И готовились с крыльца
Посмотреть на удальца.
«Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, покупайся!» –
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.
А царица молодая,
Чтоб не видеть наготу,
Завернулася в фату.
Вот Иван к котлам поднялся,
Глянул в них – и зачесался.
«Что же ты, Ванюша, стал? –
Царь опять ему вскричал. –
Исполняй-ка, брат, что должно!»
Говорит Иван: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать.
я впоследни б с ним простился».
Царь, подумав, согласился
И изволил приказать
Горбунка к нему послать.
Тут слуга конька приводит
И к сторонке сам отходит.

Вот конёк хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
На конька Иван взглянул

И в котёл тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий,
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто князь.
«Эко диво! – все кричали. –
Мы и слыхом не слыхали,
чтобы лъзя[67] похорошеть!»
Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился,
Бух в котёл – и там сварился!
Царь-девица тут встаёт,
Знак к молчанью подаёт,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
«Царь велел вам долго жить!
я хочу царицей быть.
Люба ль я вам? Отвечайте!
Если любя, то признайте
Володетелем всего
и супруга моего!»
Тут царица замолчала,
На Ивана показала.

«Люба, любя! – все кричат. –
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана
Признаём царя Ивана!»
Царь царицу тут берёт,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

В церковь Божию ведёт,
И с невестой молодою
Он обходит вокруг налюю.
Пушки с крепости палют;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют,
Бочки с фряжским выставляют,
И, напившись, народ
Что есть мочушки дерёт:
«Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной царь-девицей!»
Во дворце же пир горой:
Вина льются там рекой;
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями.
Сердцу любо! я там был,
Мёд, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

Иван Крылов
Зеркало и Обезьяна
Мартышка, в зеркале увидя образ свой,

Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка, – говорит, – кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у неё ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на неё хоть чуть была похожа.
А ведь признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть». –
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» –
Ей Мишка отвечал.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:

Не любит узнавать никто себя в сатире.

Я даже видел то вчера:

Что Климыч на руку нечист, все это знают;

Про взятки Климычу читают,

А он украдкою кивает на Петра.

Лисица и Виноград
Голодная кума Лиса залезла в сад;

В нём винограду кисти рделись.

У кумушки глаза и зубы разгорелись,

А кисти сочные как яхонты горят;

Лишь то беда, висят они высоко:

Отколь и как она к ним ни зайдёт,

Хоть видит око,

Да зуб неймёт.

Пробившись попусту час целой,

Пошла и говорит с досадою: «Ну что ж!

На взгляд-то он хорош,

Да зелен – ягодки нет зрелой:

Тотчас оскомину набьёшь».

Кот и Повар
Какой-то Повар, грамотей,

С поварни побежал своей

В кабак (он набожных был правил

И в этот день по куме тризну правил),

А дома стеречи съестное от мышей

Кота оставил.

Но что же, возвратясь, он видит? На полу

Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,

Припав за уксусным бочонком,

Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек
«Ах ты обжора! ах злодей! –

Тут Ваську Повар укоряет. –

Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?

(А Васька всё-таки курчонка убирает.)

Как! быв честным котом до этих пор,

Бывало, за пример тебя смиренства кажут, –

А ты... ахти, какой позор!

Теперь все соседи скажут:

“Кот Васька плут! Кот Васька вор!

И Ваську-де не только что в поварню –

Пускать не надо и на двор,

Как волка жадного в овчарню:

Он порча, он чума, он здешних язва мест!”»

(А Васька слушает да ест.)

Тут ритор мой, дав волю слов теченью,

Не находил конца нравоученью.

Но что ж? Пока его он пел,

кот Васька всё жаркое съел.

А я бы повару иному

велел на стенке зарубить:

чтоб там речей не тратить по-пустому,

где нужно власть употребить.

Чиж и Голубь

Чижа захлопнула злодейка-западня:

Бедняжка в ней и рвался, и метался,

А Голубь молодой над ним же издевался.

«Не стыдно ль, – говорит, – средь бела дня

попался!

Не провели бы так меня –

за это я ручаюсь смело».

Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок.

И дело!

Вперёд чужой беде не смейся, Голубок.

Волк на псарне
Волк ночью, думая залезть в овчарню,

Попал на псарню

Поднялся вдруг весь псарный двор –
Почуя серого так близко забияку,
Псы лаем залились в хлевах и рвутся вон на драку;

Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»

И вмиг ворота на запор;

В минуту псарня стала адом.

Бегут: иной с дубьём,

Иной с ружьём.

«Огня! – кричат. – Огня!» Пришли с огнём.

Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,

Зубами щёлкая и оцетиня шерсть,

Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;

Но, видя то, что тут не перед стадом

И что приходит, наконец,

Ему расчесться за овец, –

Пустился мой хитрец

В переговоры.

И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?

Я, ваш старинный сват и кум,

Пришёл мириться к вам, совсем не ради ссоры;

Забудем прошлое, уставим общий лад!

А я не только впредь не трону здешних стад,

Но сам за них с другими грызться рад

И волчьей клятвой утверждаю,

Что я...» – Послушай-ка, сосед, –

Тут ловчий перервал в ответ, –

Ты сер, а я, приятель, сед,

И волчью вашу я давно натуру знаю;

А потому обычай мой:

С волками иначе не делать мировой,

Как снявши шкуру с них долой».

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

и тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Лебедь, Щука и Рак

Когда в товарищах согласья нет,

На лад их дело не пойдёт,

И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак и Щука

Везти с поклажей воз взялись

И вместе трое все в него впряглись;

Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!

Поклажа бы для них казалась и легка –

Да Лебедь рвётся в облака,

Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.

Кто виноват из них, кто прав, – судить не нам;

Да только воз и ныне там.

Осёл и Соловей

Осёл увидел Соловья

И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!

Ты, сказывают, петь великий мастерище.

Хотел бы очень я

Сам посудить, твоё услышав пенье,

Велико ль подлинно твоё уменье?»

Тут Соловей являть своё искусство стал:

Защёлкал, засвистал

На тысячу ладов, тянул, переливался;

То нежно он ослабевал

И томной вдалеке свирелью отдавался,

То мелкой дробью вдруг по роце рассыпался.

Внимало всё тогда

Любимцу и певцу Авроры:

Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,

И прилегли стада.

Чуть-чуть дыша, пастух им любовался

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алекс
И только иногда,

Внимая Соловью, пастушке улыбался.

Скончал певец. Осёл, уставясь в землю лбом:

«Изрядно, – говорит, – сказать несложно,

Тебя без скуки слушать можно;

А жаль, что незнаком

Ты с нашим петухом;

Ещё б ты боле наострился,

Когда бы у него немножко поучился».

Услыша суд такой, мой бедный Соловей

Вспорхнул и – полетел за тридевять полей.

Избави Бог и нас от таких судей.

Константин Ушинский
Плутиска кот

I

Жили-были на одном дворе кот, козёл да баран. Жили они дружно: сена клок и тот пополам; а коли вилы в бок, так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник: где что плохо лежит, туда и глядит. Вот идёт раз котиска-мурлышка, серый лобишка; идёт да таково жалостно плачет. Спрашивают кота козёл да баран:

– Котик-коток, серенький лобок! О чём ты плачешь, на трёх ногах скачешь?

Отвечает им Вася:

– Как мне не плакать! Била меня баба, била; уши выдирала, ноги поломала, да ещё и удавку на меня припасала.

– А за что же на тебя такая беда пришла? – спрашивают козёл да баран.

– Эх-эх! За то, что нечаянно сметанку слизал.

– Поделом вору и мука, – говорит козёл, – не вору сметаны!

Вот кот опять плачет:

– Била меня баба, била; била-приговаривала: «Придёт ко мне зять, где сметаны будет взять: поневоле придётся козла да барана резать».

Заревели тут козёл да баран:

– Ах ты, серый ты кот, бестолковый твой лоб! За что ты нас-то сгубил?

Стали они судить да рядить, как бы им беды великой избыть – и порешили тут же: всем троим убежать. Подстерегли, как хозяйка не затворила ворот, и ушли.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алекс

II

Долго бежали кот, козёл да баран по долам, по горам, по сыпучим пескам; пристали и порешили заночевать на скошенном лугу; а на том лугу стога, что города, стоят.

Ночь была тёмная, холодная; где огня добыть? А котиска-мурлышка уж достал берёсты, обернул козлу рога и велел ему с бараном лбами стукнуться. Стукнулись козёл с бараном, искры из глаз посыпались: берёсточка так и запылала.

– Ладно, – молвил серый кот, – теперь обогреемся! – да недолго думавши и зажёг целый стог сена.

Не успели они ещё порядком обогреться, как жалуёт к ним незванный гость – мужичок-серячок, Михайло Потапыч Топтыгин.

– Пустите, – говорит, – братцы, обогреться да отдохнуть; что-то мне неможется.

– Добро пожаловать, мужичок-серячок! – говорит котик. – Откуда идёшь?

– Ходил на пчельник, – говорит медведь, – пчёлку проведать, да подрался с мужиками, оттого и хворость прикинулась.

Вот стали они все вместе ночку коротать: козёл да баран у огня, мурлышка на стог влез, а медведь под стог забился.

III

Заснул медведь; козёл да баран дремлют; один мурлышка не спит и всё видит. И видит он: идут семь волков серых, один белый – и прямо к огню.

– Фу-фу! Что за народ такой! – говорит белый волк козлу да барану. – Давай-ка силу пробовать.

Заблеяли тут со страху козёл да баран; а котиска, серый лобишка, повёл такую речь:

– Ах ты, белый волк, над волками князь! Не гневи ты нашего старшего: он, помилуй бог, сердит! Как расходится – никому несдобровать. Аль не видишь у него бороды: в ней-то и вся сила; бородой он всех зверей побивает, рогами только кожу сьмает. Лучше подойдите да чество попросите: хотим-де поиграть с твоим меньшим братцем, что под стогом спит.

Волки на том козлу кланялись; обступили Мишу и ну заигрывать. Вот Миша крепился, крепился да как хватит на каждую лапу по волку, так запели они Лазаря[68]. Выбрались волки из-под стога еле живы и, поджав хвосты, – давай бог ноги!

Козёл же да баран, пока медведь с волками расправлялся, подхватили мурлышку на спину и поскорей домой.

– Полно, – говорят, – без пути таскаться, ещё не такую беду наживём!

Старик и старушка были рады-радехоньки, что козёл с бараном домой воротились; а котиску-мурлышку ещё за плутни выдрали.

Иван Крылов
Стрекоза и Муравей
Попрыгунья Стрекоза

Лето красное пропела;

Оглянуться не успела,

Как зима катит в глаза.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настаёт;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милый!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» –
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» –
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так что голову вскружило». –
«А, так ты...» – «Я без души
Лето целое всё пела». –
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

Квартет
Проказница Мартышка,

Осёл,

Козёл

Да косолапый Мишка

Затеяли сыграть Квартет.

Достали нот, баса, альта, две скрипки

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алекс
И сели на лужок под липки, –

Пленять своим искусством свет.

Ударили в смычки, дерут, а толку нет.

«Стой, братцы, стой! – кричит Мартышка. – Погодите!

Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.

Ты с басом, Мишенька, садись против альта,

Я, прима, сяду против вторы;

Тогда пойдёт уж музыка не та:

У нас запляшут лес и горы!»

Расселись, начали Квартет;

Он всё-таки на лад нейдёт.

«Постойте ж, я сыскал секрет! –

Кричит Осёл, – мы, верно, уж поладим,

Коль рядом сядем».

Послушались Осла: уселись чинно в ряд;

А всё-таки Квартет нейдёт на лад.

Вот пуще прежнего пошли у них разборы

И споры,

Кому и как сидеть.

Случилось Соловью на шум их прилететь.

Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.

«Пожалуй, – говорят, – возьми на час терпенье,

чтобы Квартет в порядок наш привести:

И ноты есть у нас, и инструменты есть,

Скажи лишь, как нам сесть!» –

«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье

И уши ваших понежней, –

им отвечает Соловей, –

А вы, друзья, как ни садитесь,

всё в музыканты не годитесь».

Любопытный

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?» –

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;

Всё видел, высмотрел; от удивленья,

Поверишь ли, не станет ни уменя

Пересказать тебе, ни сил.

Уж подлинно, что там чудес палата!

Куда на выдумки природа торовата!

Каких зверей, каких там птиц я не видал!

Какие бабочки, букашки,

Козявки, мушки, таракашки!

Одни, как изумруд, другие, как коралл!

Какие крохотны коровки!

Есть, право, менее булавочной головки!» –

«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!

я чай, подумал ты, что гору встретил?» –

«Да разве там он?» – «Там». – «Ну, братец, виноват:

Слона-то я и не приметил».

Лев Толстой
Сказки и притчи

Летучая мышь

В давнишние времена была сильная война между зверями и птицами. Летучая мышь не пристала ни к тем, ни к другим и всё выжидала, чья возьмёт.

Сначала птицы стали побивать зверей, и тогда летучая мышь пристала к птицам, летала с ними и называла себя птицей, но потом, когда звери стали одолевать, летучая мышь передалась зверям. Она показала им свои зубы, и лапы, и соски и уверяла, что она зверь и зверей любит. Под конец всё-таки птицы победили, и тогда летучая мышь опять передалась птицам, но птицы прогнали её.

И к зверям ей уже пристать нельзя было, и с тех пор летучая мышь живёт по погребам, по дуплам, и летает только сумерками, и не пристаёт ни к зверям, ни к птицам.

Дуб и орешник

Старый дуб уронил с себя жёлудь под куст орешника. Орешник сказал дубу:

– Разве мало простора под твоими сучьями? Ты бы ронял свои жёлуди на чистое место. Здесь мне самому тесно для моих отростков, и я сам не бросаю наземь своих орехов, а отдаю их людям.

– Я живу двести лет, – сказал на это дуб, – и дубок из этого жёлудя проживёт столько же.

Тогда орешник рассердился и сказал:

– Так я заглушу твой дубок, и он не проживёт и трёх дней.

Дуб ничего не ответил, а велел расти своему сынку из жёлудя.

Жёлудь намок, лопнул и уцепился крючком ростка в землю, а другой росток пустил кверху.

Орешник глушил его и не давал солнца.

Но дубок тянулся кверху и стал сильнее в тени орешника.

Прошло сто лет. Орешник давно засох, а дуб из жёлудя поднялся до неба и раскинул шатёр на все стороны.

Заяц и черепаха

Поспорили заяц с черепахой, кто кого обгонит. Взялись они бежать на версту. Заяц сразу обогнал черепаху, так что её и не видно стало. Он и подумал: «Куда мне торопиться? Дай посижу». Сел отдохнуть и заснул. А черепаха всё шла да шла с ноги на ногу, и когда заяц проснулся, черепаха уже приползла к версте.

Павлин и журавль

Поспорил журавль с павлином, кто из них важнее. Павлин говорит:

– Я красивее всех птица, у меня в хвосте все цвета переливаются, а ты серый, дурной.

Журавль и говорит:

– Зато я по поднебесью летаю, а ты по навозному двору ходишь.

Собака и её тень

Собака шла по дощечке через речку, а в зубах несла мясо. Увидала она себя в воде и подумала, что там другая собака мясо несёт, – она бросила своё мясо и кинулась отнимать у той собаки: того мяса вовсе не было, а своё волною унесло.

И осталась собака ни при чём.

Хозяин и работник

Собралось много народа на свадьбу. Сосед позвал работника и говорит:

– Поди посмотри, сколько людей там на свадьбе.

Работник пошёл, положил у порога чурбан и сел на завалинку, стал дожидаться, пока народ будет выходить из избы.

Стали расходиться. Кто ни выйдет, спотыкнётся о чурбан, обругается и пойдёт дальше.

Только одна старуха вышла, спотыкнулась, вернулась и отвалила чурбан.

Работник вернулся к хозяину. Хозяин и говорит:

– Много там было людей?

Работник говорит:

– Всего один человек был, и та старуха.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алекс
– Отчего так?

– А оттого, что я привалил чурбан к крыльцу, все на него падали, а не отвалили, так и овцы делают, а одна старуха отвалила, чтобы другие не падали. Так только люди делают.

Она одна человек.

Как боролся русский богатырь

При князе Владимире напали на Россию печенеги. Подошли они с большим войском под Киев. Князь Владимир вышел со своим войском навстречу. Сошлись они на реке Трубеже и остановились. Князь печенежский подъехал к реке, позвал князя Владимира и сказал: «Зачем нам много народа убивать? А сделаем вот как: ты выпустишь своего силача, а я своего выпущу, и пускай они поборются. Если твой будет сильнее моего, так я уйду, а если мой одолеет, то покорись ты со всей своей землёю». Князь Владимир вернулся к своему войску и сказал: «А есть ли в нашем войске такой силач, чтобы взялся бороться с печенегом?»

Один старик сказал: «Я пришёл сюда с сыновьями – самчетвёрт, а пятый, меньшей сын Иван, остался дома. Вели послать за ним. Ему бог дал силу большую». Владимир сказал: «Какая его сила?» Старик сказал: «Его сила вот какая: одново мял он воловью шкуру. Мне не показалось, как он это делает, я и побрани его. Он рассердись, да и разорви шкуру пополам». Князь Владимир послал за Иваном. Когда его привели, князь Владимир сказал ему: «Можешь ты бороться с печенегом?» Иван сказал ему: «Я не знаю своей силы. Надо испытать». Князь Владимир велел привести большого быка и сказал: «Ну покажи над ним свою силу». Иван велел раздражить быка, и когда бык набежал на него, он схватил его рукой за бок, вырвал кусок кожи с мясом, а потом кулаком ударил его между рог и убил. Владимир послал сказать печенежскому князю, чтобы он высылал своего силача. На другой день сошлись оба войска.

В середине сделали чистое место. От русских вышел Иван. Он был невелик ростом и лицом бел. От печенегов вышел чёрный великан. Когда печенег увидел Ивана, он сказал: «Зачем малого привели, я раздавлю его». Когда силачи вышли на середину, на чистое место, они схватились за кушаки, укрепились ногами и начали сжимать и ворочать друг друга.

Печенежский силач хотел поднять Ивана и перекинуть через себя его. Но Иван так крепко сжал печенега, что он не мог дышать и захрипел. Тогда Иван приподнял его, шмякнул об землю и расшиб до смерти. Печенеги испугались и побежали, русские побили их.

Водяной

Лежит на возу мужик, трубочку посасывает – продаёт чёрного козла. А народу на ярмарке – труба нетолчёная.

Подходит к мужику седой старец, кафтан на нём новый, а полы мокрешеньки.

– Ишь угораздило тебя на сухом месте измочиться, – сказал мужик.

Поглядел старец из-под косматых бровей и спрашивает:

– А ты пустяки не говори; продажный козёл-то?

– Не для себя же я козла привёл; продажный.

Сторговались за три рубля, старик увёл козла, а мужик принялся в кисет деньги совать и видит – вместо трёшницы лягушиная шкурка.

– Держите его, православные! – закричал мужик. – Водяной по ярмарке ходит!

Собрался народ: стали шуметь, рукавицами махать, мужика в волостную избу повели; продержали весь день и выпустили, и пошёл он в сумерки домой, а дорога – лесом. Вдруг видит мужик: идёт его козёл, крутые рога опустил, топает ножками, а на нём верхом чучело сидит зелёное, рачьи усы растопыркой, глаза плоскими.

Проехало чучело, ухватило лапой мужика, посадило с собой рядом; помчались к озеру да с кручи вместе – прыг в воду, очутились на зелёном дне.

– Ну, – говорит ему чучело, – народ мутить, меня ловить будешь али нет?

– Нет, уж теперь мне, батюшка водяной, не до смеху.

– А чем ты себя можешь оправдать, чтобы я тебя сейчас не съел?

– Мы народ рабочий, – отвечает мужик, – поработаю на тебя.

– А что делать умеешь?

– Не учёные мы, батюшка водяной, только баклуши и бьём.

– Хорошо, – говорит Водяной, – бей баклуши... – и ушёл.

Стал мужик из осиновых чурбанов баклуши бить, сам плачет, рыдает. Много набил, целую кучу.

Пришёл водяной и удивился:

– Ты что это вытворяешь?

– Баклуши бью, как вы приказали.

– А на что мне баклуши?

Почесал мужик спину:

– Ложки из них делать.

– А на что мне ложки?

– Горячее хлебать.

– Ах ты, дурень, ведь я одну сырую рыбу ем. Ни к чему ты, мужик, не годишься. Держись.

Щёлкнул водяной мужика по маковке и обернул его в ерша.

Потом усы раздвинул, рот раскрыл и стал ерша заглатывать. А мужик, хоть и в ерша перевернулся, и тут угодить не мог, упёрся водяному поперёк горла щетиной. Закашлял водяной, задавился, вытащил ерша и выкинул его из воды на берег. Отдышался мужик, встал на ноги, в своём виде, почесался и сказал:

– Ну да, оно ведь это тоже нелегко, с крестьянством-то.

Иван Крылов

Тришкин кафтан

У Тришки на локтях кафтан продрался.

Что долго думать тут? Он за иглу принялся:

По четверти обрезал рукавов –

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

И локти заплатил. Кафтан опять готов;

Лишь на́ четверть голее руки стали.

Да что до этого печали?

Однако же смеётся Тришке всяк,

А Тришка говорит: «Так я же не дурак

и ту беду поправлю:

Длиннее прежнего я рукава наставлю».

О, Тришка малый не простой!

Обрезал фалды он и полы,

Наставил рукава, и весел Тришка мой,

Хоть носит он кафтан такой,

Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда

Иные господа,

Запутавши дела, их поправляют,

Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

Прохожие и Собаки

Шли два приятеля вечернею порой

И дельный разговор вели между собой,

Как вдруг из подворотни

Дворняжка тьякнула на них;

За ней другая, там ещё две-три, и вмиг

Со всех дворов Собак сбежалось с полсотни.

Один было уже Прохожий камень взял.

«И, полно, братец! – тут другой ему сказал, –

Собак ты не уймёшь от лаю,

Лишь пуще всю раздразишь стаю;

Пойдём вперёд: я их натуру знаю».

И подлинно, прошли шагов десятков пять,

Собаки начали помалу затихать,

И стало, наконец, совсем их не слышать.

Завистники, на что ни взглянут,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
Подымут вечно лай;

А ты себе своей дорогою ступай:

Полают да отстанут.

Лягушка и Вол

Лягушка, на лугу увидевши Вола,

Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:

Она завистлива была.

И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.

«Смотри-ка, квáкушка, что, буду ль я с него?» –

Подруге говорит. «Нет, кумушка, далёко!» –

«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?

Пополнилась ли я?» – «Почти что ничего». –

«Ну, как теперь?» – «Всё то ж». Пыхтела да пыхтела

И кончила моя затейница на том,

Что, не сравнявшись с Волем,

С натуги лопнула и – околела.

Пример такой на свете не один:

И диво ли, когда жить хочет мещанин,

Как именитый гражданин,

А сошка мелкая, как знатный дворянин.

Собака и Лошадь

У одного крестьянина служа,

Собака с Лошадью считаться как-то стали.

«Вот, – говорит Барбос, – большая госпожа!

По мне хоть бы тебя совсем с двора согнали.

Велика вещь возить или пахать!

Об удальстве твоём другого не слышать:

И можно ли тебе равняться в чём со мною?

Ни днём, ни ночью я не ведаю покою:

Днём стадо под моим надзором на лугу,

А ночью дом я стерегу». –

«Конечно, – Лошадь отвечала, –

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
Твоя правдива речь;

Однако же, когда б я не пахала,
То нечего б тебе здесь было и стеречь».

Дмитрий Мамин-Сибиряк
Сказка про Воробья Воробеича, Ёрша Ершовича и веселого трубочиста Яшу

I

Воробей Воробеич и Ёрш Ершович жили в большой дружбе. Каждый день летом Воробей Воробеич прилетал к речке и кричал:

– Эй! Брат, здравствуй!.. Как поживаешь?

– Ничего, живём помаленьку, – отвечал Ёрш Ершович. – Иди ко мне в гости. У меня, брат, хорошо в глубоких местах.. Вода стоит тихо, всякой водяной травки сколько хочешь. Угощу тебя лягушачьей икрой, червячками. Водяными козявками..

– Спасибо, брат! С удовольствием пошёл бы я к тебе в гости, да воды боюсь. Лучше уж ты прилетай ко мне в гости на крышу.. Я тебя, брат, ягодами буду угощать, – у меня целый сад, а потом раздобудем и корочку хлебца, и овса, и сахару, и живого комарика. Ты ведь любишь сахар?

– Какой он?

– Белый такой..

– Как у нас гальки в реке?

– Ну вот. А возьмёшь в рот – сладко. Твою гальку не съешь. Полетим сейчас на крышу?

– Нет, я не умею летать, да и задыхаюсь на воздухе. Вот лучше на воде поплаваем вместе. Я тебе всё покажу..

Воробей Воробеич пробовал заходить в воду, – по колена зайдёт, а дальше страшно делается. Так-то

и утонуть можно! Напьётся Воробей Воробеич светлой речной водицы, а в жаркие дни покупается где-нибудь на мелком месте, почистит пёрышки и опять к себе на крышу. Вообще жили они дружно и любили поговорить о разных делах.

– Как это тебе не надоест в воде сидеть? – часто удивлялся Воробей Воробеич. – Мокро в воде – ещё простудишься..

Ёрш Ершович удивлялся в свою очередь:

– Как тебе, брат, не надоест летать? Вон как жарко бывает на солнышке: как раз задохнёшься. А у меня всегда прохладно. Плавай себе. Сколько хочешь. Небось летом все ко мне в воду лезут купаться.. А на крышу кто к тебе пойдёт?

– И ещё как ходят, брат!.. У меня есть большой приятель – трубочист Яша. Он постоянно в гости ко мне приходит.. И весёлый такой трубочист, всё песни поёт. Чистит трубы, а сам напевает. Да ещё присядет на самый конёк отдохнуть, достанет хлебца и закусувает, а я крошки подбираю. Душа в душу живём. Я ведь тоже люблю повеселиться.

У друзей и неприятности были почти одинаковые. Например, зима: как зяб бедный Воробей Воробеич! Ух, какие холодные дни бывали! Кажется, вся душа готова вымерзнуть. Наохлится Воробей Воробеич, подберёт под себя ноги да и сидит. Одно только спасение – забраться куда-нибудь в трубу и немного погреться. Но и тут беда.

Раз Воробей Воробеич чуть-чуть не погиб благодаря своему лучшему другу – трубочисту. Пришёл трубочист да как спустит в трубу свою чугунную гирю с помелом, – чуть-чуть голову не проломил Воробью Воробеичу. Выскочил он из трубы весь в саже, хуже трубочиста, и сейчас браниться:

– Ты это что же, Яша, делаешь-то? Ведь этак можно и до смерти убить...

– А я почём же знал, что ты в трубе сидишь!

– А будь вперёд осторожнее... Если бы я тебя чугунной гирей по голове стукнул, – разве это хорошо?

Ершу Ершовичу тоже по зимам приходилось несладко. Он забирался куда-нибудь поглубже в омут и там дремал по целым дням. И темно, и холодно, и не хочется шевелиться. Изредка он подплавал к проруби, когда звал Воробей Воробеич. Подлетит к проруби воды напиться и крикнет:

– Эй, Ёрш Ершович, жив ли ты?

– Жив... – сонным голосом откликается Ёрш Ершович. – Только всё спать хочется. Вообще скверно. У нас все спят.

– И у нас тоже не лучше, брат! Что делать, приходится терпеть... Ух, какой злой ветер бывает!.. Тут, брат, не заснёшь... Я всё на одной ножке прыгаю, чтобы согреться. А люди смотрят и говорят: «Посмотрите, какой весёленький воробушек!» Ах, только бы дождаться тепла... Да ты уж опять, брат, спишь?..

А летом опять свои неприятности. Раз ястреб версты две гнался за Воробьём Воробеичем, и тот едва успел спрятаться в речной осоке.

– Ох, едва жив ушёл! – жаловался он Ершу Ершовичу, едва переводя дух. – Вот разбойник-то!.. Чуть-чуть не сцапал, а там бы – поминай как звали.

– Это вроде нашей щуки, – утешал Ёрш Ершович. –

Я тоже недавно чуть-чуть не попал ей в пасть. Как бросится за мной, точно молния! А я выплыл с другими рыбками и думал, что в воде лежит полено, а как это полено бросится за мной... Для чего только эти щуки водятся? Удивляюсь и не могу понять...

– И я тоже... Знаешь, мне кажется, что ястреб когда-нибудь был щукой. А щука была ястребом. Одним словом, разбойники...

II

Да, так жили да поживали Воробей Воробеич и Ёрш Ершович, зябли по зимам, радовались летом; а весёлый трубочист Яша чистил свои трубы и попевал песенки. У каждого своё дело, свои радости и свои огорчения.

Однажды летом трубочист кончил свою работу и пошёл к речке смыть с себя сажу. Идёт да посвистывает, а тут слышит – страшный шум. Что такое случилось? А над рекой птицы так и вьются: и утки, и гуси, и ласточки, и бекасы, и вороны, и

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Голуби. Все шумят, орут, хохочут – ничего не разберёшь.

– Эй, вы, что случилось? – крикнул трубочист.

– А вот и случилось... – чиликнула бойкая синичка. – Так смешно, так смешно!.. Посмотри, что наш Воробей Воробеич делает... Совсем взбесился.

Синичка засмеялась тоненьким-тоненьким голоском, вильнула хвостиком и взвилась над рекой.

Когда трубочист подошёл к реке, Воробей Воробеич так и налетел на него. А сам страшный такой: клюв раскрыт, глаза горят, все пёрышки стоят дыбом.

– Эй, Воробей Воробеич, ты это что, брат, шумишь тут? – спросил трубочист.

– Нет, я ему покажу!.. – орал Воробей Воробеич, задыхаясь от ярости. – Он ещё не знает, каков я...

Я ему покажу, проклятому Ершу Ершовичу! Он будет меня поминать, разбойник...

– Не слушай его! – крикнул трубочисту из воды Ёрш Ершович. – Всё-то он врёт...

– Я вру? – орал Воробей Воробеич. – А кто червяка нашёл? Я вру!.. Жирный такой червяк! Я его на берегу выкопал... Сколько трудился... Ну, схватил его и тащу домой, в своё гнездо. У меня семейство, – должен я корм носить... Только вспорхнул с червяком над рекой, а проклятый Ёрш Ершович, – чтоб его жука проглотила! – как крикнет: «Ястреб!» Я со страху вскрикнул, – червяк упал в воду, а Ёрш Ершович его и проглотил... Это называется врать?! И ястреба никакого не было.

– Что же, я пошутил, – оправдывался Ёрш Ершович. – А червяк действительно был вкусный...

Около Ерша Ершовича собралась всякая рыба: плотва, караси, окуни, малявки – слушают и смеются. Да, ловко пошутил Ёрш Ершович над старым приятелем!

А ещё смешнее, как Воробей Воробеич вступил в драку с ним. Так и налетает, так и налетает, а сделать ничего не может.

– Подавись ты моим червяком! – бранился Воробей Воробеич. – Я другого себе выкопаю... А обидно то, что Ёрш Ершович обманул меня и надо мной же ещё смеётся. А я его ещё к себе на крышу звал... Хорош приятель, нечего сказать. Вот и трубочист Яша то же скажет... Мы с ним тоже дружно живём и даже вместе закусываем иногда: он ест – я крошки подбираю.

– Постойте, братцы, это самое дело нужно рассудить, – заявил трубочист. – Дайте только мне сначала умыться... Я разберу ваше дело по совести. А ты, Воробей Воробеич, пока немного успокойся...

– Моё дело правое, – что же мне беспокоиться! – орал Воробей Воробеич. – А только я покажу Ершу Ершовичу, как со мной шутики шутить...

Трубочист присел на бережок, положил рядом на камешек узелок со своим обедом, вымыл руки и лицо и проговорил:

– Ну, братцы, теперь будем суд судить... Ты, Ёрш Ершович, – рыба, а ты, Воробей Воробеич, – птица. Так я говорю?

– Так! Так!.. – закричали все: и птицы, и рыбы.

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алекс
– Будем говорить дальше. Рыба должна жить в воде. А птица – в воздухе. Так я
говорю? Ну, вот... А червяк, например, живёт в земле. Хорошо. Теперь смотрите...

Трубочист развернул свой узелок, положил на камень кусок ржаного хлеба, из которого состоял весь его обед, и проговорил:

– Вот, смотрите: что это такое? Это – хлеб. Я его заработал, и я его съем; съем и водицей запью. Так? Значит, пообедаю и никого не обижу. Рыба и птица тоже хочет пообедать... У вас, значит, своя пища. Зачем же ссориться? Воробей Воробеич откопал червячка, значит, он его заработал, и, значит, червяк – его...

– Позвольте, дяденька... – послышался в толпе птиц тоненький голосок.

Птицы раздвинулись и пустили вперёд Бекасика-песочника, который подошёл к самому трубочисту на своих тоненьких ножках.

– Дяденька, это неправда.

– Что неправда?

– Да червячка-то ведь я нашёл... Вон спросите уток – они видели. Я его нашёл, а Воробей налетел и украл.

Трубочист смутился. Выходило совсем не то.

– Как же это так?... – бормотал он, собираясь с мыслями. – Эй, Воробей Воробеич, ты это что же, в самом деле, обманываешь?

– Это не я вру, а Бекас врёт. Он сговорился вместе с утками...

– Что-то не тово, брат... гм... да! Конечно, червячок – пустяки; а только вот нехорошо красть. А кто украл, тот должен врать... Так я говорю? Да...

– Верно! Верно!.. – хором крикнули опять все. –

А ты всё-таки рассуди Ерша Ершовича с Воробьём Воробеичем. Кто у них прав?... Оба шумели, оба дрались и подняли всех на ноги.

– Кто прав? Ах вы, озорники, Ёрш Ершович и Воробей Воробеич!.. Право, озорники. Я обоих вас и накажу для примера... Ну, живо миритесь, сейчас же!

– Верно! – крикнули все хором. – Пусть помиряются...

– А Бекасика-песочника, который трудился, добывая червячка, я накормлю крошками, – решил трубо-

чист. – Все и будут довольны...

– Отлично! – опять крикнули все.

Трубочист уже протянул руку за хлебом, а его и нет. Пока трубочист рассуждал, Воробей Воробеич успел его стащить.

– Ах, разбойник! Ах, плут! – возмутились все рыбы и все птицы.

И все бросились в погоню за воров. Краюшка была тяжела, и Воробей Воробеич не мог далеко улететь с ней. Его догнали как раз над рекой. Бросились на вора большие и малые птицы. Произошла настоящая свалка. Все так и рвут, только крошки летят в реку; а потом и краюшка полетела тоже в реку. Тут уж схватились за неё рыбы. Началась настоящая драка между рыбами и птицами. В крошки растерзали всю краюшку, и все крошки съели. Как есть ничего не осталось от краюшки. Когда краюшка была съедена, все опомнились и всем сделалось совестно. Гнали за воров

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Воробьёв да по пути краденую краюшку и съели.

А весёлый трубочист Яша сидит на бережке, смотрит и смеётся. Уж очень смешно всё вышло... Все убежали от него, остался один только Бекасик-песочник.

– А ты что же не летишь за всеми? – спрашивает трубочист.

– И я полетел бы, да ростом мал, дяденька. Как раз большие птицы заклюют...

– Ну, вот так-то лучше будет, Бекасик. Оба остались мы с тобой без обеда. Видно, мало ещё поработали...

Иван Крылов
Лев и Лисица

Лиса, не видя сроду Льва,

С ним встреться, со страстей осталась чуть жива.

Вот, несколько спустя, опять ей Лев попался,

Но уж не так ей страшен показался.

А третий раз потом

Лиса и в разговор пустилася со Львом.

Иного так же мы боимся,

Поколь к нему не приглядимся.

Обоз

С горшками шёл Обоз,

И надобно с крутой горы спускаться.

Вот, на горе других оставя дожидаться,

Хозяин стал сводить легонько первый воз.

Конь добрый на крестце почти его понёс,

Катиться возу не давая;

А лошадь сверху, молодая,

Ругает бедного коня за каждый шаг:

«Ай, конь хваленый, то-то диво!

Смотрите: лепится, как рак;

Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!

Смелее! Вот толчок опять.

А тут бы влево лишь принять.

Какой осёл! Добро бы было в гору

Или в ночную пору, –

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Алек

А то и под гору, и днём!

Смотреть, так выйдешь из терпенья!

Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!

Гляди-тко нас, как мы махнём!

Не бойсь, минуты не потратим,

И возик свой мы не свезём, а скатим!»

Тут, выгнувши хребет и поднатужа грудь,

Тронúлася лошадка с возом в путь;

Но только под гору она перевалилась,

Воз начал напирать, телега раскатилась;

Коня толкает взад, коня кидает вбок;

Пустился конь со всех четырёх ног

На славу;

По камням, рытвинам, пошли толчки,

Скачки,

Левей, левей, и с возом – бух в канаву!

Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:

Всё кажется в другом ошибкой нам;

А примешься за дело сам,

Так напроказишь вдвое хуже.

Белка

В деревне, в праздник, под окном

Помещичьих хорóм,

Народ толпился.

На Белку в колесе зевал он и дивился.

Вблизи с берёзы ей дивился тоже Дрозд:

Так бегала она, что лапки лишь мелькали

И раздувался пышный хвост.

«Землячка старая, – спросил тут Дрозд, – нельзя ли

Сказать, что делаешь ты здесь?» –

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр

«Ох, милый друг! тужусь день весь:

я по делам гонцом у барина большого;

Ну, некогда ни пить, ни есть,

Ни даже духу перевести». –

И Белка в колесе бежать пустилась снова.

«Да, – улетаю, Дрозд сказал, – то ясно мне,

что ты бежишь, а всё на том же ты окне».

Посмотришь на дельца иного:

Хлопочет, мечется, ему дивятся все:

Он, кажется, из кожи рвётся,

Да только всё вперёд не подаётся,

Как Белка в колесе.

Обезьяны

Когда перенимать с умом, тогда не чудо

и пользу от того сыскать;

А без ума перенимать,

и боже сохрани, как худо!

я приведу пример тому из дальних стран.

Кто Обезьян видал, те знают,

Как жадно всё они перенимают.

Так в Африке, где много Обезьян,

Их стая целая сидела

По сучьям, по ветвям на дереве густом

и на ловца украдкою глядела,

Как по траве в сетях катался он кругом.

Подруга каждая тут тихо толк подругу,

и шепчут все друг другу:

«Смотрите-ка на удалца;

Затеям у него так, право, нет конца:

То кувыркнётся,

То развернётся,

То весь в комок

Он так сберётся,

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Пушкин
Что не видать ни рук, ни ног.

Уж мы ль на всё не мастерицы,
А этого у нас искусства не видать!
Красавицы сестрицы!
Не худо бы нам это перенять.
Он, кажется, себя довольно позабавил;
Авось уйдёт, тогда мы тотчас...» Глядь,
Он подлинно ушёл и сети им оставил.
«Что ж, – говорят они, – и время нам терять?
Пойдём-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогих гостей
Разостлано внизу премножество сетей.
Ну в них они кувёркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричат, визжат – веселье хоть куда!
Да вот беда,
Когда пришло из сети выдираться!
Хозяин между тем стерёг
И, видя, что пора, идёт к гостям с мешками.
Они, чтоб наутёк,
Да уж никто распутаться не мог:
И всех их пóбрали руками.

Примечания

1

Лубки – здесь: ярко раскрашенные картинки.

2

Малахай – здесь: длинная, широкая одежда без пояса.

3

Очью – очами, глазами.

4

Пластью – пластом.

5

Балаган – здесь: шалаш, сарай.

6

Ровно – будто, словно.

7

Жомы – тиски, пресс.

8

Зельно – сильно, весьма.

9

Седмица – неделя.

10

Буерак – небольшой овраг.

11

Не клепли – не обвиняй напрасно, не клевети.

12

Настигу – настигну, догоню.

13

Загребь – горсть.

14

Переться – спорить, отпираться.

15

Некорыстный наш живот – бедную нашу жизнь.

16

Неможет – болеет, немочь – болеть.

17

Естное – съестное.

18

Курево – здесь: огонь, костёр.

19

Кто-петь – здесь: кто же.

20

Станичники – здесь: разбойники.

21

Городничий – начальник города в старину.

22

Гость – старинное название купца-торговца.

23

Содом – здесь: сильный шум, беспорядок, суматоха.

24

Давёж – давка.

25

Стрельцы – старинное войско.

26

Красно платье – нарядное, красивое платье.

27

В приказ даю – отдаю под надзор.

28

Постучали ендовой – выпили. Ендова – сосуд для вина.

29

Суседка – домовой (сибирское название).

30

Учинился – сделался.

31

Спальник – царский слуга.

32

Сыта – вода, подслащённая мёдом.

33

Притча – здесь: непонятное дело, странный случай.

34

Пулю слить – здесь: солгать, пустить ложный слух.

35

Басурманин – иноземец, человек иной веры (старинное название).

36

Чернокнижник – колдун.

37

Сусек – отгороженное место для хранения зерна.

38

Прозумент – золотая или серебряная тесьма, которую нашивали на одежду для украшения.

39

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Зориться, разориться – светать, рассветать.

40

Еруслан – один из героев русских народных сказок, могучий богатырь.

41

Таловый – ивовый.

42

Челядь – слуги.

43

Ажно – разве.

44

Острог – тюрьма.

45

Шабалки – шабаш, конец.

46

Рядиться – торговаться, препираться, договариваться.

47

Дрягнул плясовую – пустился в пляс, заплясал.

48

Переимать – переловить.

49

Почивальня – спальня.

50

Решёточный – пожарный (старинное название).

51

Стремянной – слуга, ухаживающий за верховой лошадью господина.

52

Немские страны – иноземные страны.

53

Сиречь – то есть, именно.

54

Ширинка – широкое, во всю ширину ткани, полотенце.

55

Дира – дыра.

56

дреевич Крылов, Лев Николаевич Толстой, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Пётр Павлович Ершов, Александр Лик – лицо.

57

Опала – немилость царя, наказание.

58

Мешкотно – медленно.

59

Вина – здесь: причина.

60

Прошал – просил.

61

К водяному сесть в приказ – потонуть, пойти ко дну.

62

Живот – здесь: имущество, добро.

63

Плѣс – рыбий хвост.

64

Принужусь – понадобится.

65

Срочное число – срок.

66

Полонить – взять в плен.

67

Лъзя – можно.

68 Петь Лазаря – жаловаться на судьбу.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://krylovi.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!